

Генкель Г.

ПОД НЕБОМ ЭЛЛАДЫ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Герман Генкель
Под небом Эллады

«Алгоритм»

1908

ББК 84(2Рос=Рус)

Генкель Г. Г.

Под небом Эллады / Г. Г. Генкель — «Алгоритм»,
1908 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-02620-1

Герман Германович Генкель (1865–19...) – ориенталист, филолог и писатель; окончил курс на восточном факультете Санкт-Петербургского университета по отделу семитических языков. Работал директором батумской гимназии. Состоял соредактором «Еврейской Энциклопедии». Главнейшие труды Генкеля посвящены истории еврейской литературы: таковы монография о Саадии Гаоне, о Соломоне ибн Гебиrole, о Бехаи ибн Пакуде. Он автор множества статей и монографий по истории еврейской литературы и истории древней культуры Востока. Ему же принадлежит первый перевод на русский язык «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (1899), переводы многих других сочинений, например «Введение в общее языкознание» Потта, «История Ассирии и Вавилонии» Бецольда, «История Древнего Востока» Гоммеля и др. Публикуемая в данном томе историческая повесть «Под небом Эллады», действие которой разворачивается в VI веке до Рождества Христова, охватывает время в истории Древней Греции, характеризующее борьбой народа за право и демократию с первыми афинскими тиранами.

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-02620-1

© Генкель Г. Г., 1908

© Алгоритм, 1908

Содержание

Часть первая. Борьба за права	6
I. Килон	6
II. Суд над алкмеонидами	13
III. Моровая язва	20
IV. Приезд эпименида	24
V. Эпименид	31
VI. Очищение афин	38
VII. Священная война. сисахфия[27]	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Герман Генкель

Под небом Эллады

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2008

© ООО «РИЦ Литература», 2008

* * *

Часть первая. Борьба за права

I. Килон

Ночь опускала свои темные покровы над Аттикой. Был конец месяца Гекатомбеона (июля) 636 года до Р. Х. По темному небу плыли зловещие тучи, заволакивая мириады ярко сверкавших звезд, свет которых был настолько силен, что заставлял забывать даже об отсутствии луны. Порывистый ветер иногда разгонял плотно сбившиеся облака, и тогда на Акрополе¹ было почти так же светло, как в ранние сумерки. Меркли тогда и огни костров, разложенных в некоторых местах на почти отвесной скале. Но таких моментов было немного. Чаше на небе было так же темно, как и на земле, и костры горели ярким пламенем, особенно перед входом в древний храм богини Паллады. Дувший с моря ветер нагонял клубы едкого дыма как раз ко входу в святилище, на ступенях которого сидело несколько граждан и воинов. Среди них давно царило глубокое молчание; каждый, по-видимому, был погружен в невеселые думы. Тишина и безмолвие ночи лишь изредка нарушались потрескиванием сухих дров, звонким окриком часовых, расставленных по углам высокой стены Акрополя, и глухим ревом морских волн, яростно разбивавшихся о прибрежные скалы.

– Как теперь тихо! – прервал, наконец, молчание один из граждан, седобородый старик с орлиным носом и живыми, блестящими юношеским задором глазами. – Можно подумать, что Мегакл совершенно забыл о нас. Так и хочется спуститься вниз, в город.

– Попробуй, Филогнот, спуститься, тогда и увидишь, как забыл о нас Мегакл. Нет, не забыл он о нас, а просто хочет взять крепость измором. Разве это просто, что за три последних дня евпатриды² не сделали ни единой попытки овладеть Акрополем, тогда как раньше они дня не пропускали без двух-трех штурмов. Измором, голодом они думают заставить благородного Килона сдаться.

– Ну, это им не удастся: сама девственница Паллада его охраняет. Не взять ненавистным евпатридам Килона, ни за что не взять. Наконец, – промолвил говоривший, высокий, стройный юноша в блестящем шлеме и ярко сверкавших на огне костра поножах, – мы-то на что? Не дадим его, нашего вождя, этого «друга угнетенных», не дадим его в руки врагов.

– С установлениями мойр, о Каллиник, смертному не бороться, – задумчиво заметил Филогнот.

– Что ты хочешь сказать этим? Уж не сдаться ли нам, по-твоему? Да разве же это возможно? Ведь мы целую неделю держимся тут, а у кого в руках Акрополь, тот владеет и Афинами, – запальчиво возразил юный воин.

– Это не совсем так, молодой друг, – ответил ему первый из собеседников. – Афинами владеет лишь тот, кто владеет сердцами граждан. А кто ими владеет сейчас? Я знаю, ты думаешь – Килон? Как бы не так! На свете случаются странные вещи, и одной из них является именно то, что афиняне борются с тем, кто желает только их свободы. Можно подумать, что этот бедный народ не нуждается ни в ней, в этой свободе, ни в чем ином. А между тем, как далек он от счастья!

---

¹ Акрополь (буквально «кремль») – укрепленная скала, высящаяся над городом, в данном случае Афинами.

² Евпатридами назывались в древней Аттике представители родовой знати и наиболее богатого класса крупных землевладельцев. Им были подвластны *геоморы*, представители покоренного земледельческого населения Аттики. Третий класс – ремесленники – назывался демиургами.

При этих словах голос старика дрогнул, и сам он плотнее закутался в свой обширный плащ-гиматий. Через мгновение, однако, он, видимо, справился с охватившим его волнением. Гордо выпрямившись во весь рост, старик продолжал:

– Где в другом месте Эллады видели такой позор, как здесь? Ненавистные евпатриды забрали всю власть в свои руки: они сидят в ареопаге, они дают нам архонтов³ из своей среды, суды в их власти, они вершат все дела. Все доходы с купцов и ремесленников и мирных крестьян-хлебопашцев текут в их кошелек. Что они сделали с геоморами? Кому принадлежит теперь вся Аттика? На всех полях красуются закладные камни, и в хижине геомора не найти уже не только запаса хлеба и масла на черную годину, но в ней нет ничего, кроме плача голодных детей и женщин и стонов измученных, униженных тружеников-кормильцев. Сколько почтенных геоморов, задолжав у знатных из свободных собственников превратились в гектеморов – несчастных арендаторов, на долю которых алчные евпатриды оставляют только одну шестую часть урожая. Хорошо еще, если богиня Деметра посылает обильную жатву: тогда народ хоть не мрет, тогда отец семейства, трудясь в десять раз усерднее покупного раба, может быть спокоен за личную свободу детей и жены. Да и в урожайные годы одной шестой частью урожая не так-то легко прокормить семью. Опять приходится лезть в долги и в кабалу. Ведь евпатриды все соки высосали из нас. Недавно над соседом моим, Хризолисом, свершилось ужасное дело. Еще лет шесть тому назад Хризолис был свободным собственником, обрабатывавшим землю свою; неурожай заставил его обратиться к евпатриду Мегаклу, который скоро отнял у него за долги землю и превратил в гектемора: свою же землю Хризолис стал обрабатывать на Мегакла. Но одной шестой урожая недостаточно для того, чтобы прокормить жену и трех детей, и бедняк вынужден был вновь задолжаться у того же Мегакла. И вот теперь Мегакл неожиданно потребовал от него не только возврата всей ссуды, но и насчитал за каждый год по двадцати пяти драхм на сто. Он знал, что Хризолису немислимо уплатить не только долг, но и наросшие драхмы. И он пришел в его отсутствие с толпой вооруженных рабов и забрал жену и трех дочерей несчастного. Теперь они его рабыни, они, свободные гражданки свободной Аттики! Сам Хризолис, узнав о том злодействе, бежал, говорят, в Сикион. Другой евпатрид, Алкест, вконец замучил должника своего, Агриаса, которого он велел впрячь вместе с волом в плуг и которого презренный раб-скиф забил насмерть плетью... И таких примеров сотни и тысячи... Должно быть, жестоко разгневали мы небожителей, что они допускают такие беззакония. Где ты, карающая Немезида? Отзовись на мольбы угнетенных! Не только обширная равнина, Педион, орошаемая медленным Кефиссом и родящая в избытке виноград и маслину, даже Диакрия, эта скудная горная часть Аттики, где земля не дает достаточно сена для скота, не говоря уже о хлебе человеку, даже эти горные ущелья уже в руках ненасытных евпатридов. И им всего этого еще мало: быстро добираются они и до Паралии, прибрежной полосы, где белеют скромные хижины отважных моряков и развешаны на столбах незамысловатые сети бедных рыбаков. Руки их протянуты во все стороны и хотят завладеть и царством Зевса, и обителью мрачного Аида, и необъятным простором голубых вод Посейдона...

Говоривший умолк, и голова его поникла на грудь. Видно было, что человек пережил много тяжелого и, если привел в пример обиду Хризолиса и судьбу Агриаса, то лишь оттого, что не хотел говорить о себе, о своих собственных свежих ранах, о своем позорном положении

---

³ Во главе правления в Афинах стояло девять *архонтов*, избиравшихся ежегодно; председателем их совета был архонт-эпоним (по имени которого назывался в летописях и год); за ним следовал архонт базилевс (главный жрец), затем архонт-полемарх (главный военачальник); остальные шесть архонтов назывались *фесмофетами* (законодателями), потому что их главной задачей было отправление правосудия по гражданским и менее важным уголовным делам. Ареопаг – верховное учреждение в Афинах, состоявшее из бывших архонтов, назначавшихся пожизненными членами его. Ареопаг был высшим судилищем, наблюдал за исполнением законов, вел важнейшие государственные дела, до Солона назначал архонтов, одним словом, занимал то место, какое в Риме принадлежало сенату. Ареопаг также вел наиболее важные уголовные дела.

полной зависимости от алчного заимодавца-евпатрида, который в любую минуту мог продать в рабство этого гордого своей свободой гражданина.

– Да, ты прав, Филогнот, прав, тысячу раз прав! И вот оттого-то мы, лучшие и наиболее смелые из граждан, и примкнули к Килону и его сподвижникам при первом слове о желанной справедливости. Мы не можем и не хотим долее терпеть этот гнет, этот позор, который хуже рабства. Если боги нас оставили, то мы и им объявим войну!

Так говорил молодой воин, и вся мужественная фигура его дышала в тот миг решимостью вызвать на смертный бой хотя бы самого бога войны – Ареса.

– Успокойся, юноша, и не кошунствуй. Да хранит нас от всякой напасти Афина-Паллада! – воскликнул Филогнот и быстрым движением привлек говорившего к себе, как бы желая оградить его от незримых стрел незримого врага. – Да будут далеки такие мысли от главы твоей, дитя мое! Боги за нас, потому что мы стоим за правое дело. И, действительно, дал ли бы мегарский тиран⁴ Феаген отряд наилучших воинов зятю своему Килону, этому благородному, бескорыстному другу угнетенных афинских граждан, если бы не был уверен в правоте его дела и в конечном успехе? Феаген силен и богат, но ссориться ему, тирану соседней Мегары, с Афинами не приходится: он мог бы, если бы не верил в победу зятя, лишиться и власти, и богатства, и родины. Значит, Килон может рассчитывать на конечный успех. Наконец, гляди, и сама Афина-Паллада того же мнения: ведь овладели же мы Акрополем. А сколько доблестных граждан города примкнуло к нам, горя теперь одним лишь желанием – поскорее сбросить постыдное иго ненасытных евпатридов!

– Ты забыл, Филогнот, – заметил кто-то из присутствующих, – что мы понесли и кровавые жертвы: убито более тридцати приверженцев Килона, поранено куда больше. Сам Килон получил удар ножом в руку и носит повязку.

– Стыдно отчаиваться, друзья, – продолжал Филогнот. – Надежда на богов и правота дела должны дать нам силы довести все это до желанного конца. И я, и все мы верим в этот конец. Нам терять больше нечего: свободы нет у нас; значит, остается либо добыть ее с мечом в руке, либо умереть за нее.

– Умереть придется, быть может, и не в бою, товарищи, – промолвил высокий, уже пожилой воин, незаметно подошедший к группе разговаривавших из полосы густой тени, отбрасываемой высоким зданием храма. Гордая осанка и мужественное лицо его, обрамленное уже седеющей волнистой бородой, невольно внушали к нему уважение. Все расступились перед этим человеком, который с милой непринужденностью опустился на одну из ступенек храма и прислонился спиной к колонне. Теперь, при свете костра, ярким пламенем озарявшего его, воин казался еще величавее. Левая рука его висела на повязке. Это был сам Килон.

На минуту воцарившееся с его приходом молчание было прервано Филогнотом.

– Не бойся, Килон, мы и от голода умрем за тебя и за правое дело, если богам будет угодно это. Еще раз скажу: лучше смерть, чем постыдное рабство.

– Клянусь памятью Тезея, я ожидал такой решимости от вас, друзья мои, – ответил Килон, и радостная улыбка скользнула по лицу его. – Но этого не будет. Запасов у нас, правда, немного, но на неделю все же нам их хватит. Тем временем, быть может, архонты и их приверженцы одумаются и примут наши условия. Если, впрочем, нужно, я лично готов пожертвовать жизнью, лишь бы иметь уверенность, что над афинским народом воссияет солнце свободы.

– Да хранит нас громовержец Зевс от утраты нашего Килона! – одновременно воскликнули Филогнот и молодой Каллиник.

---

⁴ Тираном мы называем жестокого, хотя бы и законного государя, древние же греки под тираном разумели правителя, который *незаконно*, силой или хитростью, присвоил себе власть, по праву ему не принадлежавшую, хотя бы он был человеком кротким и гуманным. В древнегреческом понимании «тиран», следовательно, соответствует современному слову «узурпатор».

– Да хранят боги город Афины от подобного несчастья! Ведь на тебя, Килон, теперь вся надежда угнетенных геоморов и демиургов. Ты будешь вождем, законодателем и спасителем своего народа. Ты – евпатрид и человек богатый; тебе от нас ничего не нужно. Но ты жертвуешь собой для общего блага, и этого никогда не забудут благодарные жители Аттики. Слава Килону, вечная слава!

– Поистине, эта речь почтенного Филогнота мне сейчас приятнее венка, полученного на последних играх в Олимпии, когда я вышел победителем из борьбы. В подобных словах отрада вождя, потому что с такими пособниками, как ты, Филогнот, и все вы, друзья мои, дело наше должно и будет иметь успех. Недаром и дельфийский бог устами своей вешей жрицы предсказал мне удачу. Когда я в торжественной процессии по случаю годовщины своей победы на олимпийском стадионе, сопровождаемый вами и отрядом отборных мегарян, подходил к Акрополю, боги в лице сизокрылого орла, парившего над храмом Паллады, возвестили мне вторично удачу. И как бы в оправдание этой надежды нам не только удалось беспрепятственно овладеть Акрополем, но и число наших приверженцев по пути сюда значительно возросло. Народ начинает понимать свое положение. И где это видано, чтобы в свободном государстве творились такие беззакония? Ведь евпатриды и пуще всех Алкмеониды⁵ пожрали уже все, что только можно было пожрать. Геоморы разорены, закабалены в тягчайшее рабство, земля стонет под игом разбойничьей знати, передавшей ее обработку в руки покупных рабов и заклеившей ее позорными закладными столбами; уже и ремесленники, и купцы, и всю прочие демиурги в руках у евпатридов, не боящихся ни суда, ни богов и явно торгующих правосудием, которое они же отправляют. Чужие товары, чужой хлеб, чужой труд введены ими в нашу свободную страну и давят в одинаковой мере педизев, паралиев и даже отдаленных диакриев⁶, не могущих бороться с пришельцами. Недалек день, когда злейший из евпатридов, архонт-эпоним Мегакл, издеваясь над народом, посягнет на целостность самого государства и при помощи преданного ему ареопага провозгласит себя царем свободного будто бы народа. В вашей власти, друзья и мужи афинские, не дать восторжествовать гнусной попытке недостойнейшего из недостойных. Вы отстаите свободу отечества и сами дадите своему народу законы. Вы не допустите, чтобы народ, изнемогая под игом евпатридов, и впредь не имел возможности избавиться от вечной нужды и задолженности этой предательской знати. Но слушайте: что это?

Все невольно обратились в ту сторону, где теперь явственно раздались протяжные звуки сигнального рожка. В одно мгновение Килон и его товарищи бросились к стене Акрополя и устремили взоры вниз в ту котловину, где находился город. Там теперь, где за минуту все было погружено в непроницаемый мрак, показалось множество огней. С Акрополя ясно видно было, что большая толпа вооруженных людей с зажженными факелами в руках двинулась по направлению к крутому подъему в крепость. На стенах ее в то же мгновение снова раздался звук сигнальных рожков и послышалось бряцание оружия: то воины, прилегшие у костров отдохнуть, спешили приготовиться к кровавой встрече.

Килон уже хотел было скомандовать «в строй!», как внимание его было отвлечено странным движением, происшедшим в рядах осаждавших. Из толпы воинов с факелами отделилась величественная фигура старца в широком светлом хитоне и с масличной ветвью в руках. При свете огней Килону не трудно было узнать в этом старике своего злейшего врага, самого архонта-эпонима Мегакла, всюду распускавшего слух, что Килон заботится не об освобождении народа, а преследует личную цель – стать афинским тираном наподобие того, как его тесть Феаген овладел соседней Мегарой.

⁵ Название потомков евпатрида Алкмеона, отличавшихся особенной алчностью и жестокостью.

⁶ Названия жителей Аттики сообразно характеру занимаемой ими местности в стране (см. выше, № 2): педизии жили на равнине, паралии на побережье, диакрии в горах. Первые занимались преимущественно земледелием, вторые рыболовством и торговлей, третьи скотоводством.

За Мегаклом шло еще несколько старцев, у каждого в руках было также по масличной ветви. Килон обратился к своим воинам с речью:

– Мужички афинские и доблестные мегаряне! Вы видите сами, что боги к нам благосклонны: надменный Мегакл и его приверженцы идут к нам с радостной вестью о мире. Хвала богам, наставившим, наконец, нечестивцев на путь истины! Хвала афинскому гражданству, уразумевшему чистоту наших стремлений и решившему за правое дело и примкнуть к нему! Вы не напрасно страдали: еще сегодня ночью восторжествует правда, и через несколько часов лучезарный Гелиос с кручи небесного пути своего узрит свободные Афины. Помните одно: что бы ни случилось, вы не должны уступать ни пяди тех требований, которые мы решились поставить: свобода Афин, общие выборы с участием всех сословий, установление твердых и справедливых законов, а главным образом, – и это первое, основное требование наше, – облегчение участи задолженных и передел всей земли. Лишь на этих условиях мы можем принять мир.

– Ты забыл еще одно, Килон, – заметил Каллиник, – ты забыл себя. Мы желаем, чтобы ты был назначен архонтом-эпонимом на следующие десять лет, как то было в старину после славной смерти нашего последнего царя, Кодра. Не правда ли, товарищи и мужички афинские?

Громкий, радостный крик всех присутствующих огласил Акрополь и спящие окрестности. Килон поклонился и сказал:

– Клянусь тенью отца моего, я далек от подобных мыслей, могущих снова посеять раздоры и смуту. Но воля богов и народа для меня закон. Однако посмотрите, вот идет в сопровождении алкмеонидов и архонта-полемарха сам Мегакл. Воины остались далеко внизу. Он несет нам желанную весть.

С этими словами Килон подошел к краю стены и, сняв шлем, громко прокричал троекратное приветствие, на которое снизу раздался такой же ответ.

Мегакл и его спутники остановились на расстоянии пятнадцати копий, и старый архонт-эпоним обратился к Килону с такой речью:

– Благородный Килон и все вы, достойные сподвижники его! Мы пришли к вам с миром, свидетельством чего служат сии ветви священной маслины. Овладев Акрополем, вы отдали себя во власть всесильным богам, которые до сей поры неизменно ограждали вас. Но пора прекратить это безбожное испытание их долготерпения. Вы боретесь за несправедливое дело. Свобода Афин лишь звук пустой в устах твоих, благородный Килон. Не свободы ты ищешь, а власти неограниченной, полной. Ты стремишься быть таким же тираном в Афинах, каким стал тесть твой, Феаген, в Мегаре. Не перебивай меня и не возражай мне, Килон. Это так, и твои ослепленные товарищи, эта горсточка отчаянных людей, которым все равно уже нечего терять и которые не стыдятся сражаться против родного города в одних рядах с чужеземцами-мегарянами, либо не понимают истинного смысла твоих деяний, либо не хотят его понять... Но нам, отцам города, и с нами всем благомыслящим афинянам наскучило все это: город волнуется, доступ в Акрополь закрыт, ежедневные жертвоприношения на алтарь великой Паллады прекратились. Ареопаг, обсудив положение, в воздаяние проявленной вами храбрости, постановил: предложить вам мирно удалиться с занятого Акрополя и вернуться к своим делам и занятиям. Тем временем верховный суд, обещая каждому из вас полную неприкосновенность, разберет ваши требования и, по мере возможности удовлетворит их. Свобода граждан ему столь же дорога, как и каждому из вас, и он, этот совет мудрейших наших старцев, решит, как споспешествовать счастью и благополучию всех достойных афинян.

Старик умолк, и на бесстрастном лице его мелькнула улыбка. Килон ответил на предложение пространной речью. Он выразил недоверие по адресу Мегакла и архонтов и, высказывая лично за себя намерение отказаться от всего и даже удалиться в изгнание, лишь бы иметь уверенность в действительном облегчении участи афинских граждан путем установления твердых и справедливых законов, закончил речь свою следующим образом:

– Ты, благородный Мегакл, хитер и коварен. Неспроста явился именно ты с предложением мира. Невыгоден тебе этот мир. Но поклянись мне алтарем богини Паллады и молнией громовержца Зевса, и я готов уйти. Поклянись мне от лица своего и всех архонтов, наконец, от имени ареопага, что эти славные сподвижники мои не подвергнутся от вас никакому насилию, и я готов уступить. Тяжело видеть, как страдают товарищи. Голод сильнее меча, и только это, скажу откровенно, побуждает меня к уступкам.

В толпе, обступившей Килона, произошло движение: видно было, что сподвижники его хотели что-то возразить. Но Килон не дал им сделать это. Повелительным жестом руки он удержал их и сказал:

– Итак, Мегакл, ты слышал все. Клянешься ли ты, согласны ли и ареопаг, и архонты поклясться, что мои товарищи останутся невредимыми? Они спрашивают всех вас, стоя под защитой храма Афины-Паллады. Клянитесь же, если можете и хотите искренно сдержать свои обещания: свободу и личную неприкосновенность этих мужей, и справедливые правила о земельной собственности, и облегчение задолженного крестьянству, обещаете ли вы нам?

– Клянемся, клянемся именем Паллады, – ответил, немного подумав, Мегакл. – Завтра на заре вы сойдете с Акрополя и невозбранно вернетесь к своим очагам. Клянусь в том за себя, за товарищей-архонтов, за мудрый ареопаг. Радуйтесь, граждане!

Громкие клики всеобщей радости огласили воздух. Внизу, у подножия горы, произошло сильное движение. В воздух взлетело несколько факелов, и огненно-золотистые искры посыпались дождем во все стороны. Со стен Акрополя отвечали тем же.

Лучезарное солнце только что успело подняться из-за темных волн океана и озолотить своим светом крыши храмов афинского Акрополя, как на площадке перед капищем Паллады Килон уже собрал своих товарищей и обратился к ним с последним прощальным словом. Лицо его было бледно, на лбу, среди бровей, залегла глубокая складка. Видно было, что последнюю ночь этот воин провел без сна, в долгих, тяжелых думах.

– Товарищи! – обратился он к собравшимся. – Вы знаете, за что вы бились тут с согражданами, за что была пролита кровь ваших сподвижников, за что мы терпели страдания брани и муки голода. Идите же теперь по домам и снова мирно примитесь за прерванные дела ваши. В сознании принесенной отечеству пользы и в чаянии близкого освобождения своего народа от тяжелого рабства у евпатридов вы почерпнете силы для дальнейшего существования. Но помните одно, когда меня среди вас уже не будет: не доверяйте слепо евпатридам, а сами настойчиво требуйте проведения в жизнь обещанных законов. Помните, что всякий день проволочки – день гибели нашего общего святого дела. Я удаляюсь к тестю в Мегару, но душой я всегда буду с вами. Если бы когда-нибудь потребовался вам мой меч, вы пришлете мне гонца, и не успеет лучезарный Гелиос дважды совершить дневной путь свой, я уже буду среди вас. И еще помните: не доверяйте коварному Мегаклу. Его клятва непрочна и, может быть, лжива. Пусть каждый из вас привяжет по длинной веревке к алтарю богини Паллады и с ней в руках спустится вниз в город. Только под охраной святыни вы можете быть уверены в своей личной безопасности и неприкосновенности. Внемлите моему совету, и да хранят вас всемогущие боги! Прощайте, прощайте, славные товарищи!

Голос Килона дрогнул, и он, быстро прикрыв лицо свое краем гиматия, отошел в сторону...

Совет вождя товарищи его исполнили в точности. Но у них не хватило нужного для всех количества веревок, чтобы каждый мог привязать свою к алтарю богини, и они связали одну большую общую веревку; держась за нее, они вскоре стали спускаться вниз к городу. У подножия холма, на котором расположен Акрополь, их уже ожидали архонты и огромная толпа народа, безмолвно глядевшая на странное шествие людей, шедших друг за другом, крепко дер-

жась одною рукою за веревку, конец которой был прицеплен к алтарю богини Паллады. Выходившие из Акрополя оставили там мечи свои, посвятив их капищу.

На повороте спуска, почти у подножия холма, высилась старинная каменная постройка, храм «добрых богинь»⁷. Когда товарищи Килона достигли этого места, которое им пришлось круто обогнуть, тонкая веревка зацепилась за выступ колонны и внезапно порвалась.

Этого мига как будто только и ждали Мегакл и его сподвижники-алкмеониды. С неистовым криком бросились они на ошеломленных неожиданностью товарищей Килона. Первый удар дубиной поразил насмерть Филогнота, другой оглушил Каллиника. В одну секунду смятение стало общим. Обливаясь кровью, безоружные и столь предательски обманутые Мегаклом граждане бросились бежать назад к Акрополю. Но обратный путь им был уже загражден толпою изменников. Как смертельно раненные звери, многие несчастные, перескакивая чрез трупы товарищей, ринулись на алкмеонидов и, прорвав их строй, бросились в город. К счастью, дома архонтов стояли ближе других к Акрополю. С громким воплем вбежали туда преследуемые, ища защиты у домашних алтарей. Жены архонтов оказались добросердечнее своих мужей. Он дали беглецам приют и тем спасли многих из них от верной смерти.

Лучезарный же бог солнца по-прежнему быстро мчался в своей огненной колеснице по светлому небосклону, и ничто – ни предательство, ни стоны раненых и умирающих, ни жалобы возмущенных граждан, ни незаконное ликование вероломного Мегакла и его клеветников по поводу избавления Афин от внутренних врагов – не могли остановить его ровного и быстрого бега. Его колесница, запряженная огненными конями, уже приближалась к берегам Океана на крайнем западе, уже стоял там наготове легкий челнок, в котором Гелиос обыкновенно возвращался по вечерам в страну блаженных эфиопов, уже розоперстая богиня Эос успела окрасить в пурпурно-багряный цвет то место, где небо сходится с землей, как из храма Паллады на афинском Акрополе вышел Килон и с ним маленький отряд мегарских телохранителей. Все были вооружены с головы до ног, готовые ежеминутно отразить внезапное нападение где-нибудь в засаде спрятавшихся врагов. Но опасения их были напрасны: вооруженных никто не посмел тронуть; они быстро спустились с холма и скоро скрылись в темноте быстро наступающей южной ночи. Когда звезды давно уже сверкали на небе, озаряя ярким светом мирно дремавшую землю, от берегов Аттики бесшумно отплыла трирема, быстро уносившая Килона и его телохранителей к соседней Мегаре.

Еще один, последний, прощальный взор бросил Килон на удалявшиеся родные берега и затем спустился вниз, в свою каюту, где растянулся на мягком ложе и сейчас же под мерные удары весел уснул мертвым сном. Он потерял теперь все: и родину, и состояние, и надежду на лучшее будущее, но добрый бог сновидений, Морфей, взамен всего этого рисовал ему картину беспощадного мщенья лживому Мегаклу и предателям-Алкмеонидам.

---

⁷ «Добрыми богинями» греки называли эвменид (у римлян – фурии), олицетворение мучительных угрызений совести.

II. Суд над алкмеонидами

Багровое солнце медленно погружалось в пучины моря, заливая своим огненным светом облака на темнеющем небосклоне и превращая поверхность почти неподвижных волн в обширную поляну расплавленного золота. С тихим плеском ударялись пурпурные гребни мелкой зыби о прибрежный песок Аттики. Лишь вдали, там, где береговая полоса образовала длинный, высокий мыс, усиливался шум прибоя. Ночь быстро спускалась на землю, и в раскаленном воздухе уже замечались признаки прохлады. Видимо, торопясь засветло добраться до бухты, двое рыбаков в небольшом челноке усиленно налегали на весла. Один из них был человек уже пожилой, с длинной седой бородой, обрамлявшей почти бронзовое и очень морщинистое лицо его, другой казался совсем еще юношей. На дне лодки лежало множество разнообразнейшей рыбы, на корме были сложены сети.

– Благодарение Посейдону и Афродите, – прервал молчание старый рыбак, – сегодня мы поработали не даром! Давно уже не было у нас такого богатого улова.

– Видно, богам угодно судьбище над «проклятыми»⁸, назначенное на сегодняшнюю ночь. Вот они и смилостивились над нами и вновь обратили на нас свое благоволение. А ты, дед, пойдешь ночью в Афины?

– Непременно пойду, Филосторг, да и тебе советую превозмочь свою усталость и пойти вместе со мной. Такое дело, как суд над «проклятыми», должно заставить забыть обо всем остальном в мире. Пора, пора освободиться нам от Алкмеонидов, этого злого и вероломного отродья. Ты помнишь сам, какие бедствия постигли наш город после гнусного умерщвления ими сподвижников Килона. Твой собственный бедный отец пал жертвой их вероломства и нечестивости. У самого подножия жертвенника Афины предатели Алкмеониды зарубили его, безоружного, прибегшего к защите богини. Ведь это же дикие звери, а не люди.

– Я был тогда двенадцатилетним мальчиком и живо помню, как в дом наш внесли бездыханное тело отца, прикрытое окровавленным гиматием доброго соседа Каллиника. Какой плач подняла матушка, как рыдали бедные сестры! Только ты, дедушка, оставался как будто спокоен. Взяв меня, своего старшего внука, за руку, ты над трупом сына поклялся мечом своим отомстить за нечестивое дело.

– Да, да, Филосторг мой, я помню все это, как будто то было вчера. И клятву свою я сдержу. Придет еще время – оно недалеко, – когда Алкмеониды ответят мне за кровь сына. Пора, пора претерпеть им возмездие за все зло, которое они принесли стране нашей. Нарушив священную клятву, Мегакл навлек на всех граждан гнев бессмертных богов. Афина-Паллада отвратила от нашего города чистое чело свое, и счастье покинуло нас: маслины перестали давать плоды, этот источник богатства Аттики, стада подвергаются нападениям диких зверей, дотоле скрывавшихся в горных лесах, козы и овцы падают сотнями от неведомого мора, пчелы на Гиметте перестали давать мед, и само море, этот неиссякаемый источник добычи, как будто опустело. Видно, велик гнев богов за то, что мы терпим в своей среде безбожных клятвопреступников Алкмеонидов!

– И эта напасть не единственная, дедушка. Ты ведь не забыл о нападении мегарян?

– Тише, дитя мое; не говори об этом. Хотя тут и нет никого, кто бы нас с тобой услышал, но все-таки не мешает быть осторожным. Вчерашние побежденные сегодня сами обратились в победителей: Нисея, эта гавань Мегары, бывшая в наших руках, опять отошла к ним. Пуще же всего жаль цветущего, славного острова Саламина, которым снова овладели мегаряне. Горе, горе злосчастливым афинянам!

---

⁸ «Проклятыми» афинский народ назвал Мегакла и его родственников-Алкмеонидов, предательски умертвивших сподвижников Килона.

– Пока мы не доплыли до берега, Расскажи мне, дедушка, об этом. Разве Саламин был прежде в руках мегарян? Я что-то слышал о Саламине, причем упоминалось имя уважаемого афинского гражданина, Солона, сына Эксеkestида.

– Успеем ли мы вовремя добраться до Афин сегодня ночью? Ты знаешь ли, что в полночь мы должны быть на Пниксе⁹, если хотим присутствовать при судбище над «проклятыми»? Впрочем, солнце еще не село, а ты сильно устал от гребли. Убери весла и ляг на сети. А я исполню твою просьбу и удовлетворю твоё любопытство. Итак, Филосторг мой, слушай. Давным-давно афиняне спорили с мегарянами о том, кому из них владеть богатым и цветущим островом Саламином, который получил свое название от Саламины, дочери Азопа, вступившей в брак с самим богом Посейдоном и родившей ему могучего героя-сына, Кихрея. Немало было пролито крови во время этих споров наших предков с мегарянами, немало доблестных воинов полегло с той и другой стороны. Но властный бог Посейдон отдал предпочтение мегарянам, и остров Саламин, в конце концов, оказался в их власти. Сильно опечалились наши сограждане, но, не желая спорить с богом всесильных морских пучин, решили махнуть на остров рукой. Было даже постановлено в народном собрании никогда больше не упоминать имени Саламина, чтобы не возбуждать страстей. Но трудно вырвать из сердца воспоминание о том, что нам дорого и из-за чего мы страдали. Так было и с Саламином. Я сам и многие другие афиняне, особенно среди молодежи, никак не могли примириться с мыслью о том, что богатейший остров этот ушел от нас навеки. Мы жаждали случая вновь вернуть его родине. Солон, сын Эксеkestида, тогда еще очень молодой человек, но уже успевший обнаружить удивительный ум и необычайную силу воли, знал, что многих из его молодых сограждан обуревают страстное желание вернуть остров Афинам. И вот он притворился безумцем и, надев на голову шляпу странника, с посохом в руке, предстал однажды перед собравшимся народом. Глаза его дико блуждали, одежда была грязна и разорвана, ноги в пыли. Он вскочил на возвышение у жертвенника Зевса и, устремив взоры к небу, вдруг запел дивные стихи.

– Я знаю их начало, дедушка:

Слушайте, граждане! С чудных берегов Саламина
Я к вам явился глашатаем, вам приношу я,
Вместо обычных приветов, дивную песню свою...

Не так ли? Но дальше я этих стихов не знаю.

– Это сейчас и не важно, друг мой. Ты их заучишь впоследствии: они этого стоят. Итак, Солон пропел свою превосходную элегию из ста стихов, в которых он самыми светлыми красками описал все прелести злополучного острова; закончил он горячим воззванием к гражданам вновь взяться за оружие и вернуть обладание Саламином. Этого только мы все и ждали. Народное собрание не только не наказало Солона, но немедленно же постановило отправить в поход до пятисот воинов.

– И ты был в числе их, дедушка?

– Да, дружок, был. И как это было интересно!

Глаза старика засветились гордостью при одном воспоминании об этом походе.

– Так слушай же. Солон, убедив сограждан предпринять столь рискованную попытку вернуть остров, решил поступить тут особенно предусмотрительно. Он не хотел понапрасну губить воинов и придумал следующую хитрость: вскоре после решения народного собрания о походе на Саламин должно было произойти обычное празднество в честь великой богини, матери земли, Деметры. Как ты знаешь, храм ее находится на мысе Колии, там, где гора далеко

---

⁹ Так назывался холм к юго-западу от Акрополя. На этом возвышении происходили народные собрания около жертвенника Зевса. В непосредственном соседстве с ним находился и ареопаг.

выступает в море, образуя на вершине своей обширную площадку. После обычных жертвоприношений молодые афинские девушки и женщины предаются на этой площадке веселым играм и пляскам. Этим обстоятельством и воспользовался Солон. Вместе со своим родственником Писистратом он в день праздника Деметры отплыл к мысу Колию, меня же послал к мегарянам. Я должен был выдать себя за афинского перебежчика и мимоходом намекнуть, что мегаряне легко могут покончить с Афинами. Для этого им только стоит поспешно направиться к мысу и захватить в плен афинских девушек и женщин. Тогда де афиняне, лишившись своих жен и дочерей, пойдут на какие угодно уступки. Я так и сделал. Мне не стоило труда убедить мегарян немедленно снарядить несколько кораблей и отправиться к мысу Колию. Сам я присоединился к ним. Тем временем Солон и Писистрат, спрятав в ближайшем ущелье своих сподвижников, велели двум десяткам безусых юношей надеть женские одежды, а под ними спрятать ножи и мечи. Настоящие же афинянки поспешно вернулись в город. Когда мегаряне подплыли к мысу, они действительно убедились в правоте моих слов, видя на площадке пляшущих девушек. Ринувшись на них, они, однако, тотчас же поняли, что попали в ловушку. Много их было перебито в тот памятный день; еще больше было захвачено нами в плен, и, вместо выкупа за этих пленных, мы получили остров Саламин, не потеряв, благодаря мудрости и предусмотрительности Солона, ни одного человека. Однако садись на весла: уже совсем темно, и нам более чем пора добираться до берега.

Юноша ничего не сказал в ответ на рассказ деда, но в его больших темных глазах сверкнул лукавый огонек. Видно было, что он сам охотно принял бы участие в только что услышанной истории. Оба налегли на весла, и через полчаса рыбацья лодка благополучно пристала к берегу. Вскоре она была вытащена далеко на камни, а рыбаки, взвалив на плечи сети и часть улова, быстро поднялись в гору, где между расселинами скал в одинокой хижине виднелся свет. Там их ждал скудный ужин, поев которого они немедленно собрались в Афины. Им предстояла довольно длинная и нелегкая дорога сперва к бухте Фалерон, а затем уже к главному городу по пути, проложенному среди отрогов гор. Ночь была лунной, и на Фалеронской дороге можно было рассчитывать встретить немало путников, также направлявшихся теперь к месту судбища над «проклятыми», поэтому Филосторг и его дед не захватили с собой факелов.

Было уже далеко за полночь, когда наши путники, миновав древние южные стены Афин, стали пробираться узкой извилистой улицей, упиравшейся в холм Пникс. Луна, высоко плывшая по темному небосклону среди серебристых туч, своим ярким светом настолько озаряла окрестности, что совершенно меркли огни, зажженные во всех домах города. Несмотря на поздний час, решительно никто из афинян не спал. На улицах города царил сильное оживление: отовсюду народ стекался к Акрополю и к близлежащим холмам. Вершина Пникса с его каменными ступенями-сиденьями, амфитеатром окружавшими возвышение для оратора вблизи жертвенника Зевса, была запружена народом, забравшимся сюда еще до заката солнца в надежде, что судбище над Алкмеонидами произойдет именно здесь, на обычном месте народных собраний. Среди собравшихся было много людей, длинные посохи и широкополые шляпы которых свидетельствовали о том, что они явились сюда издалека.

Вся эта толпа, озаряемая лунным светом и могучим пламенем костра, разложенного на широком жертвеннике громовержца-Зевса, сильно волновалась. Нескольким гражданам, которые назначены были архонтами для поддержания порядка, стоило немалого труда сдерживать народ, среди которого порой уже раздавался глухой ропот недовольства по поводу задержки судебного разбирательства и отсутствия обвиняемых. Всюду слышались восклицания вроде: «Алкмеониды, пользуясь своим богатством, сумеют уйти от суда и наказания!», «Евпатриды, конечно, не осудят своих!», «Гнев небожителей не страшен тем, кто успел выжать все соки из нашего брата и теперь пользуется всяким благополучием!», «Где же Солон? Ведь он убедил Алкмеонидов предстать пред судом трехсот почтеннейших граждан», «Где судьи? Чего они мешкают?».

Едва Филосторг и его дед успели протиснуться сквозь шумящую толпу к одной из крайних ступеней и, тяжело дыша от утомительного пути, опустились на них, толпа, дотоле шумевшая и волновавшаяся, внезапно стихла. На ораторском возвышении появилась фигура человека невысокого роста, но еще стройного и сильного, несмотря на заметно серебрившуюся круглую бороду и морщины на высоком лбу. Прекрасное, правильное лицо его дышало умом и энергией. Большие глаза светились добротой. Легким мановением руки он заставил толпу умолкнуть. Лишь в задних рядах послышался одинокий возглас:

– Слово мудрому Солону, сыну Эксекестида! Слушайте, слушайте, что он скажет, и как он, по обыкновению, сумеет рассеять все наши сомнения!

Солон поклонился народу и обратился к нему с речью. Голос его, мягкий и мелодичный, постепенно крепнул по мере того, как он говорил. Ясно чувствовалась, что речь этого человека дышит полной, неподдельной искренностью. Граждане слушали его с затаенным дыханием, видимо не будучи в силах оторвать взоры от этого человека, сумевшего снискать расположение толпы и руководить ею по своему желанию. Вот что сказал Солон:

– Афинские граждане и все вы, тут собравшиеся с ближних и дальних концов Аттики! Не гневайтесь на то, что я скажу вам. Мы хотели судить Алкмеонидов здесь, на этом священном месте народных собраний, перед лицом всего аттического народа. Вы для этого собрались сюда. Однако по зрелом обсуждении, архонты пришли к заключению, что не тут, а в священном ареопаге должны заседать судьи по столь неслыханному делу, за которое ныне ответят Алкмеониды. Ареопагу, этому древнейшему и почтеннейшему судилищу нашему, установленному самими богами, надлежит произнести свое властное слово относительно дальнейшей судьбы людей, своим святотатственным поступком навлекших на себя и, к сожалению, на всех нас гнев бессмертных богов. В состав этого суда, как вы знаете, входят почтеннейшие наши старцы, бывшие архонты и другие сановники, беспорочно служившие государству и столь же безупречные в своей частной жизни. Умудренные опытом, они должны произнести свой веский приговор. Им одним, нашим ареопагитам, принадлежит на суде право жизни и смерти. Их постановления не подлежат отмене. Но для Мегакла и прочих Алкмеонидов учрежден особый суд. Мне стоило большого труда убедить Мегакла и его присных добровольно предстать пред лицом трехсот избранных граждан. Я, однако, не уверен, что Алкмеониды подчинятся решению этих нарочно для их дела назначенных судей. Поэтому архонты постановили спросить последних, не согласятся ли они на этот раз войти в состав божественных ареопагитов и совместно с ними судить Алкмеонидов. Судьи приняли предложение, а потому, для вашего же спокойствия, Мегакл и его сородичи предстанут сегодня ночью пред расширенным ареопагом. Вы знаете, что против суда последнего никто в Аттике не посмеет ничего возразить, и знаете также, что всякому из вас дано право безнаказанно умертвить того из осужденных, который вздумал бы ослушаться приговора ареопагитов. Ведомо вам также, что каждый из обвиняемых имеет право произнести в свое оправдание две речи, равно как пользуется возможностью до окончания прений добровольно удалиться навеки в изгнание и тем закончить свое судебное дело. Вы знаете, что как обвинитель, так и обвиняемый должны произнести страшную клятву в том, что каждый из них на суде скажет одну только правду. Вам известно, что заседания суда ареопагитов происходят ночью и под открытым небом, первое для того, чтобы судьи в темноте не видели лица обвиняемого и чтобы несчастный вид его не возбуждал в них жалости, второе с той целью, чтобы не находиться с преступником под одной кровлей. Все эти условия будут соблюдены и в настоящем процессе, в котором обвинителем Алкмеонидов выступит достойный Мирон из Флии, муж испытанной честности, на которого вы можете смело положиться. Я вижу отсюда, к западу от Акрополя, нашей твердыни, огни на холме Ареса¹⁰ и думаю, что судьи уже собрались там. Ночь близится к концу, и до рассвета надо кончить это тяжелое дело. Теперь

---

¹⁰ Ареопаг значит «холм Ареса», бога войны.

со мной от каждой филы¹¹ пойдут к ареопагу по десять человек для присутствия при судебном разбирательстве, которое будет кратким и, по обычаю, лишенным всякого красноречия; эти выборные ваши объявят затем здесь собравшимся о решении ареопага, несомненно справедливом и достойном. Пока же да хранят вас боги!

Громкие возгласы одобрения встретили эту речь Солона. Быстро было выбрано сорок человек; в число их попал и дед Филосторга. По уходе их с Солоном на холм Ареса, толпа на Пниксе вновь заволновалась и зашумела. Стали устраиваться даже пари относительно того, подвергнутся ли Алкмеониды изгнанию, или же будут приговорены к смертной казни.

Вблизи Акрополя, почти у самого подножия его, высится каменистый холм, на восточной стороне которого помещался древний храм Эвменид с могилой царя Эдипа. Рядом, в скале, находилась обширная и очень глубокая пещера, у входа в которую стоял большой жертвенник, сложенный из грубо отесанных камней и посвященный богу войны – Аресу и богине мудрости – Палладе. По бокам его стояли друг против друга два огромных камня, носивших названия «глыбы неумолимости» и «глыбы правонарушения», потому что на первый из них становился обвинитель, на второй – обвиняемый. Перед жертвенником помещался стол с двумя каменными урнами для голосования. Скамьи для судей стояли на открытой площадке перед входом в пещеру. Сбоку ясно виден был судьям Акрополь, и святыни его должны были им постоянно напоминать о необходимости суда правого и нелицеприятного. Близость храма Эвменид также не давала уснуть голосу совести.

Теперь на скамьях ареопага собрались все судьи. Тут были и девять архонтов, и триста эфетов, назначенных по выбору для разбора этого дела; поблизости расположились сорок представителей фил, и жрецы разных храмов, и несколько почетных граждан, среди которых видное место занимал Солон. Рядом с ним сидел, видимо сильно волнуясь, обвинитель Алкмеонидов, Мирон из местечка Флии. Это был низенький, полный человечек с огромной головой, почти совершенно лысой. В руках он держал небольшой сверток папируса и то и дело нервно мял его. Глаза его были устремлены на почтенного седовласого архонта-базилевса, который только что велел привести обвиняемых. Через несколько мгновений из глубины пещеры, сопровождаемые довольно сильной военной стражей, вышли Алкмеониды с Мегаклом во главе. Молча поклонившись ареопагитам, обвиняемые стали по левую сторону жертвенника, на котором два жреца зажгли священный огонь. Несколько прислужников тем временем принесли окровавленные части только что убитого жертвенного животного. Бросив внутренности последнего в огонь на алтаре, архонт-базилевс произнес краткую молитву к двенадцати олимпийским богам вообще и к Аресу и Палладе в частности. Затем архонт обратился к обвиняемым:

– Ты, Мегакл, и сородичи твои, потомки славного Алкмеона, приглашены сюда для ответа по обвинению, которое будет поддерживать против вас почтенный согражданин наш, Мирон из Флии. Вы поклянетесь богами, жизнью вашей и семейств ваших, что вы будете говорить одну лишь правду и добровольно подчинитесь решению этого верховного суда. Мирон от лица всех полноправных граждан Аттики, в свою очередь, присягнет перед всеми нами, что он не возведет на вас ни одного ложного обвинения. Напоминаю вам, подсудимые, что вы имеете право, по издревле установленному обычаю, добровольно удалиться в изгнание до окончания судебного разбирательства. Мирон, сын Эвксиппа, слово за тобой. Займи свое место на «камне неумолимости». Ты же, Мегакл, как старший из Алкмеонидов, станешь на этом «камне правонарушения». Жрецы, потушите огонь на алтаре, дабы наступила полная тьма.

Мирон взошел тем временем на камень и, когда в собрании воцарилась тишина, сказал:

---

¹¹ Население Аттики вплоть до Клизфена (510 г.) по своему происхождению и занятиям делилось на четыре филы (гелонтов, гоппитов, эгикореев и арга-дов). Филы, в свою очередь, распадалась на фратрии.

– Выступая обвинителем всего рода Алкмеонидов в нарушении благочестия и святости клятвы, я буду говорить от имени всех афинских граждан. По уставу, я буду краток; проста и безыскусственна будет речь моя. Но сначала я присягну по всем правилам в том, что не скажу ничего лишнего. Итак: «Клянусь всесильными богами, клянусь жизнью своей и жизнью детей моих, что я скажу одну лишь правду. Пусть боги преисподней, и земли, и неба лишат меня жизни, пусть труп мой останется навсегда непогребенным¹², пусть дети мои погибнут в изгнании, если в речи моей будет хоть слово неправды. В том призываю вас в свидетели, о боги всевышние, о великий Арес, и ты, о мудрая девственница Паллада!» Пусть теперь и Мегакл и за ним все обвиняемые произнесут такую же клятву. Клянитесь же, Алкмеониды!

Дрожащим от волнения голосом Мегакл произнес страшную клятву, призывая, в случае лжи, на себя и весь род и потомков своих все кары небесные. Он и за ним все Алкмеониды должны были при этом прикоснуться к кускам жертвенного животного и омочить пальцы в еще теплой крови его.

Затем Мирон произнес краткую, но сильную речь, в которой упомянул о всех бедствиях, обрушившихся на афинян со дня изменнического умерщвления приверженцев Килона. Обвинение свое он закончил требованием смертной казни всем обвиняемым и указанием на необходимость воздвигнуть за счет государства на том месте, где пал первый сподвижник Килона, искупительный храм в честь Эвменид или богини Паллады.

Когда Мирон кончил, среди ареопагитов раздался одобрительный шепот. Слыша это, Мегакл с высоты своего камня тихо произнес следующие простые, но знаменательные слова:

– Мне нечего возразить на обвинение почтенного Мирона. Зная, что мы все прогневали небожителей и что нам нечего ждать пощады, мы пользуемся дарованным нам законом правом и добровольно удаляемся в вечное изгнание из пределов родной Аттики. Прощайте, отцы архонты, простите нас, уважаемые судьи, не проклиняйте нас, славные бывшие наши сограждане. Отныне мы вам чужие, и к полудню завтрашнего дня Алкмеониды будут уже далеко от пределов своего бывшего отечества.

Среди ареопагитов послышался глухой ропот. Но теперь ничего уже нельзя было поделать. Мегакл и остальные подсудимые, понунив головы, медленно стали спускаться с холма Ареса.

В ночном воздухе потянуло предрассветной прохладой, облака на востоке стали понемногу светлеть и алеть, когда Солон, в сопровождении представителей четырех афинских фил, вернулся на Пникс. Там с нетерпением ждал его народ. Взойдя на возвышение, сын Эксекестиды сказал:

– Радуйтесь, мужи афинские! Суд над «проклятыми» кончен. Не дождавшись конца прений, Мегакл и его товарищи заслуженной смерти предпочли позорное изгнание. Род их предан проклятию, сами они уже вышли за пределы города и сегодня же, через несколько часов, навсегда отплывут от берегов Аттики. Страна должна теперь вздохнуть свободно, так как с нее будет снято позорное пятно клятвонарушения. А для того чтобы бессмертные боги были вполне довольны, суд решил вырыть из могил останки всех покоящихся в аттической почве Алкмеонидов и выбросить их в море. На месте же святотатственного дела Мегакла будет сооружен храм, где мы замолим грехи наших бывших недостойных сограждан. Радуйтесь, мужи афинские! Вот уже восходит и лучезарное солнце, преисполняющее радостью и весельем сердца всех благомыслящих граждан. Хвала ему, великому светилу дня, врагу всякой тьмы, всякого мрака, всякой неправды! Хвала божественному Гелиосу!

---

¹² Остаться непогребенным и не попасть в царство теней считалось у греков величайшим позором.

С этими словами Солон молитвенно склонил колена и простер руки к востоку, где в полном блеске выплывало из моря могучее дневное светило. Все собравшиеся молча последовали примеру сына Эксекестида¹³.

---

¹³ В основу очерка о суде над Алкмеонидами положены данные, находящиеся в VIII–XII главах биографии Солона, составленной Плутархом. Как известно, не так давно найденная «Афинская Полития» Аристотеля внесла много новых взглядов на некоторые, дотоле считавшиеся твердо установленными явления греческой истории. Исследователи, не всегда всесторонне изучая «Афинскую Политию», разделились на партии и стали, нередко совершенно неосновательно, отвергать такие исторические факты, которые раньше не возбуждали сомнения. Между прочим, новейшая критика (в лице Кауэра, Белдоха, Бузольта) подвергла сомнению и рассказы о войне из-за Саламина и о суде над Алкмеонидами. Однако внимательное изучение аристотелевской «Политии» показало, что этот первоклассный источник даже в подробностях мало расходится с трудами «отца истории» Геродота, Фукидида, Ксенофонта и других исторических писателей Греции. Всестороннюю характеристику и критический разбор «Афинской Политик» Аристотеля, равно как и подробный свод мнения различных современных историков на значение этого труда, дал проф. В. Бузескул в своей книге «Афинская полития Аристотеля, как источник для истории государственного строя Афин до конца V века», Харьков, 1895. Данные наших очерков вполне совпадают с результатами исследований этого авторитетного ученого. Что же касается участия Писистрата в походе из-за Саламина, то Аристотель, на основании хронологических исчислений отвергает его. В заключение считаем не лишним заметить, что у самого Плутарха (Solon, с. 8–10) имеются две версии рассказа о возвращении Саламина афинянами.

III. Моровая язва

Был месяц Анфестерион (февраль) 596 года. Солнце только что успело зайти, и густые сумерки быстро спускались на землю, окутывая почти непроницаемой пеленой афинский Акрополь и особенно узкие улицы и дороги, тянувшиеся по дну глубоких ложбин и ущелий у подножия его. Там и тут в низеньких домиках и хижинах, раскинутых вдоль улиц, зажигались огни. В открытые двери можно было видеть все внутреннее незатейливое убранство этих жилищ. По странной случайности все дома города казались лишенными жителей, так как нигде не видно было людей, и не слышались столь обычные в теплые, тихие весенние вечера шумливые речи и громкие песни. Даже рабы не показывались у дверей. Казалось, город совершенно вымер.

Но вот на одном конце улицы появилась сгорбленная фигура старого жреца в белой одежде. На голове служителя богов, покрытой шапкой густых, совершенно белых волос, лежал венок из миртовых ветвей. Одной рукой старик опирался на большой посох, в другой держал глиняную урну с ручками. Подойдя к одному из домов, старец семь раз постучал в низенькое окошечко близ входа. На этот стук в дверях дома показался темный силуэт стройной женщины.

– Радуйся, Филомела, – приветствовал ее жрец, – я несу тебе желанную весть: твой муж, благородный Хризипп, сподобился великой чести лицезреть священную Гекату, богиню луны. Она предвещала ему скорое выздоровление.

– Хвала Гекате и ее прислужницам ламиям¹⁴, добрый старец! Исполнилось бы только ее вещее слово! Что-то не верится мне, чтобы светлоокая богиня вняла мольбам моим о даровании жизни Хризиппу. Злые мучения страшной болезни совершенно истощили его статное, сильное тело, и я уже думала, что муж мой пойдет вслед нашим двум сыновьям, обитающим ныне в царстве мрачного Аида¹⁵. Ты видишь, старик, у меня и по сей час не зажили раны, которые я в горе своем нанесла себе на похоронах моих малюток.

С этими словами женщина откинула вуаль, прикрывавшую лицо ее, и жрец ясно увидел темные кровоподтеки и следы запекшейся крови в тех местах, где Филомела, в знак траура, расцарапала себе лицо.

– Исполняешь ли ты все, что повелевают нам законы в эти торжественные дни месяца Анфестериона, Филомела? Ведь ты знаешь, что эти дни посвящены мудрейшему Асклепию, прародителю всех врачей¹⁶. Тебе ведомо, что ныне особенно чтится память умерших, которых – увы! – именно в этом году так ужасно много. Ты знаешь, что в эти дни ежечасно следует ждать нам появления привидений и бестелесных теней Эреба¹⁷. Жуешь ли ты усердно листья боярышника, приносишь ли пищу мертвым, просишь ли их милостиво вкусить ее, как то повелевает закон, во ограждение от всяких напастей?

– Все это исполняется мной и моими домашними, божественный старец. И даже больше: мы все от мала до велика на этой и соседней улице трижды в сутки закалываем по петуху

---

¹⁴ Геката, мрачная богиня ночи и луны, обыкновенно являлась в сопровождении ламий, которые впоследствии в поверьях превратились в вампиров, высасывающих кровь у людей.

¹⁵ Аид, или Гадес – бог подземного мира, царства теней. С течением времени это имя стало прилагаться к самой преисподней, тогда как владыка ее получил название Плутона (преимущественно у римлян).

¹⁶ Асклепий (у римлян Эскулап) – сын Аполлона и питомец кентавра Хейрона, обучившего его искусству врачевания. У Гомера и Пиндара Асклепий – прекрасный врач, но не более, как герой; напротив, в позднейшие времена его повсюду почитали богом врачебного искусства. В храмах Асклепия держали змей, как символ постоянно обновляющейся жизненной силы и одновременно как средство врачевания. Лечение производилось, между прочим, посредством инкубации, вызова сновидений: больные ночевали в храме, веря, что бог во сне откроет им, какое лекарство они должны употребить.

¹⁷ Эреб – название преисподней, то же, что Аид. По всей вероятности, слово это семитического (финикийского) происхождения и первоначально означало «запад», закат солнца.

в честь Асклепия. Скоро у нас и птиц для жертвоприношений не будет больше. Сегодня мы Гекате заклали черного пса, как предписано законом.

– Все это хорошо, Филомела. Но дай-ка сюда светильник. Что-то я не вижу смолы на косяках твоих дверей. Ведь вот все вы так: все сделаете, а главное забудете, – прибавил старик ворчливо, когда его собеседница удалилась в дом за огнем и через минуту вернулась с глиняной лампой.

– Так и есть, – продолжал жрец. – Вот я часа три брожу по городу и редко-редко где вижу смолу на косяках.

Филомела виновато взглянула на старца и ничего не ответила. Из груди ее вырвался глубокий вздох. Тем временем жрец обмакнул в урну веничек и быстро помазал двери домика смолой.

– Так-то лучше будет. Теперь пойду дальше. Наверное, и у соседей твоих нет смолы. А вы еще дивуетесь, что боги насылают на город такие напасти! Ведь сами-то вы не ограждаете себя от них. Сколько предзнаменований и знаков гнева богов видели мы за последние недели! И маслины перестали цвести, и вода в колодцах исчезла, и луна восходила ярко-огненного цвета, и гул под землей слышался по ночам. Но вам все нипочем. Теперь боги наслали на нас великий мор, и каждый час среди наших сограждан много десятков сильных и здоровых людей сходит вниз, в царство мрачного Аида. И как только старый Харон успевает перевозить их всех через мутные воды подземного Стикса!¹⁸

Больше погибло за эти дни славных афинян, чем пало за последние годы на поле доблестной брани! Нет, видно, угасло в вас благочестие...

Филомела хотела было возразить старцу, что за повальной болезнью, охватившей город, число сведущих в религиозном культе людей сильно уменьшилось, и некому показать и научить, что в таких случаях следует предпринять. Но старик как будто угадал ее мысли и проговорил ласково:

– Ты все-таки не печалуйся, согражданка. Не беда, если ты, как женщина, не знаешь, что предпринять. У тебя муж болен, и тебе, в твоей печали и в твоём одиночестве, трудно помнить и исполнять все обряды, требуемые богами и обычаем. Вот потому-то я и взял на себя задачу – восполнить замеченные пробелы и тем хоть несколько умилизовать гнев небожителей. Пойду теперь дальше и посмотрю, кто еще нерадив тут, на вашей улице. Ты же не забудь: через два часа приди с другими в храм Асклепия, где собраны больные, ждущие исцеления от злого недуга и подготовившиеся к этому радостному дню постом, молитвой и очищением. Сегодня, за час до полуночи, назначена всеобщая молитва за больных, которых теперь так много, что не все уместились внутри храма. Если хочешь увидеть всю церемонию и перекинуться словом-другим с больным твоим мужем, помни, что нужно идти пораньше. У меня же пока еще хватит дела. Итак, да хранит тебя всесильная дочь могущественного Асклепия, жизнерадостная Гигиейя!¹⁹

И старик медленной походкой направился вверх по пустынной улице, то здесь, то там останавливаясь у домов, вызывая спрятавшихся во внутренних комнатах уцелевших от злой моровой язвы обитателей их и охотно давая всем мудрые наставления...

---

¹⁸ По представлению древних, души умерших, удостоенных погребения, приводились богом Гермесом (Меркурием) к подземной реке Стиксу, через которую их перевозил в царство теней престарелый лодочник Харон, взимавший за это плату. Отсюда у греков и был обычай вкладывать покойнику в рот медную монету в два обота (пару копеек). Сам же Стикс древние принимали то за реку, опоясывающую все подземное царство, то за стоячее болото. Началом его на земле считали поток того же имени в северной Аркадии (ныне река Мавро-неро), который в дикой местности с высокой отвесной горной стены спадал в глубокий бассейн, находящийся между скал. Здесь видели вход в Аид.

¹⁹ Слово «гигиейя» по-гречески означает «здоровье».

* * *

Небольшой, утопавший в свежей зелени окружавшей его рощицы храм бога Асклепия у южного отрога акропольского холма, был теперь ярко освещен. Тесная ограда, замыкавшая дворик перед этим древним святилищем, едва могла вместить всех желавших присутствовать при церемонии врачевания, которая была назначена на сегодняшнюю ночь. Всюду высились стройные бронзовые светильники, и временами густой дым от их яркого пламени облаком окутывал толпу людей, набившихся во двор святилища и стоявших теперь в безмолвном ожидании начала священнодействия, от которого все ждали самых положительных результатов в постигшем город Афины бедствии.

В раскрытые двери ярко освещенного храма хорошо было видно все, происходившее в нем. На каменном полу было разостлано множество покрывал, на которых лежали, лицом к задней стене святилища, больные моровой язвой. Бледные, изможденные лица этих недавно совершенно здоровых и сильных людей казались теперь восковыми и лишь лихорадочным блеском горевшие глаза с несокрушимой верой в силу храмового врачевания, устремленные на статуи бога Асклепия и богини Гекаты в глубине храма, свидетельствовали о том, что на полу лежат еще не мертвецы, а живые люди. Благоговейную тишину, царившую в капище и вокруг него, лишь изредка нарушал тихий стон или глубокий вздох того или другого особенно страдавшего больного. Все напряженно ждали начала церемонии.

Вдруг безмолвие было нарушено тихим звуком нескольких флейт. Казалось, на этих инструментах играли где-то далеко-далеко под землей. Больные, по мере сил, стали приподниматься на своих ложах; некоторые даже были в состоянии принять сидячее положение. Толпа на дворе и в портике перед храмом благоговейно опустила на колени. Между тем отдаленные и глухие звуки флейт стали раздаваться как будто ближе и громче, и через две-три минуты вся задняя часть храма, где помещались ниши со статуями божеств, дрогнула от гула литавр и резкосвистящих звуков флейт. В то же время между изображениями богов и молящимися больными медленно протянулась во всю ширину храма пурпуровая завеса. Когда ее вскоре вновь раздвинули, на треугольных алтарях перед статуями Асклепия и Гекаты горели огни, быстро пожиравшие груды благовонных трав, насыпанные на жертвенники юношами-жрецами. Одурачивающий запах курений разнесся по храму, наполнив воздух голубовато-серой дымкой.

Около подножия могучей бронзовой фигуры бога Асклепия вдруг появилось несколько почтенных старцев в жреческих одеяниях. Самый старый из жрецов выступил вперед и, наклонившись над алтарем, трижды ударил посохом по чаше, стоявшей на огромном треножнике. Из глубины ее поднялась громадная змея, кожа которой при ярком свете множества огней, горевших в храме, отливала всеми цветами радуги. Гордо подняв свою плоскую голову, в которой горели изумрудные глаза, священная змея Асклепия показала тонкое жало и, тихо шипя, как бы недовольная, что ее потревожили, бросилась по направлению к жрецу. Но в тот же миг один из прислужников схватил змею сзади за туловище и быстро опустил ее обратно в чашу, которую мгновенно покрыли массивной бронзовой ажурной крышкой.

Снова раздались звуки флейт, а вслед за тем жрецы и их помощники затянули гимн в честь беспощадной богини ночи, Гекаты. Громким, отчетливым голосом пропел главный жрец эту священную песнь-заклинание, и все присутствующие повторили ее.

Они пели: «Приди, подземная, земная и небесная, богиня дорог и перекрестков, приносящая воздух, ходящая ночью, враждебная свету, благосклонная ночи и сопутствующая ей, радующаяся лаю собак и пролитой крови, бродящая во мраке блуждающим огнем среди могил, жаждущая крови и наводящая ужас на мертвых. Горго, Мормо, луна с тысячей обликов, благосклонно прими нашу жертву и услышь наши моления. Согласно твоим указаниям, мы соорудили тебе статую из гладко отполированного дерева и сделали туловище этого изображения из

корня дикой руты. Мы украсили его маленькими домовыми ящерицами. Затем мы замесили мирру, стиракс и ладан вместе с этими животными и выставили смесь на воздух при нарождающейся луне. Мы употребили столько ящериц, сколько ты, о великая Геката, принимаешь различных видов. Мы исполнили все тщательно и соорудили тебе жилище из опавших ветвей и листьев лавра. Мы поклялись, что строго исполним все твои предписания, и исполнили их. Мы постились три дня и три ночи, и вино не прикасалось к устам нашим. В храме мы поклонялись посвященным тебе таблицам, где описаны содеянные тобой чудесные исцеления. Мы вознесли к тебе горячие молитвы и воспели в честь тебя священные песни. Теперь же призываем еще раз тебя, всесильная богиня ночи, божественная Геката, внемли мольбам нашим и вместе с могучим Асклепием даруй нам исцеление от ужасной болезни, сковавшей наши члены и заставляющей сердца наши содрогаться от немого ужаса. О Геката, о всесильная богиня ночи, явись нам во сне и возвести желанную весть о нашем выздоровлении и спасении».

Так пели все присутствовавшие, воздевая руки к изображению богини, которая, окутанная сизой дымкой курений, бесстрастно взирала с высоты своего мраморного пьедестала на жалких больных, возлагавших на нее одну все свои надежды.

Звуки флейт стали понемногу стихать, и жрецы, окончив гимн, начали обходить больных, которые теперь в полном изнеможении откинулись на подушки. Возлагая на всех поочередно руки, служители Асклепия и Гекаты возвещали каждому близкое исцеление от злого недуга и советовали скорее заснуть, чтобы во сне услышать желанную весть из уст самой богини.

Огни в храме тем временем гасли один за другим, и вскоре в капище стало совсем темно. Лишь слабо мерцало бледное пламя на жертвеннике грозной богини ночи.

Толпа, стоявшая пред храмом, стала медленно расходиться по домам.

IV. Приезд эпименида

Почти отвесные лучи полуденного солнца заливали морем света и тепла холм Пникс, с которого открывался красивый вид на город и его окрестности, на обширные гавани Афин, Пирей и Мунихию, и на лазоревые волны Эгейского моря на дальнем горизонте. Ни одного облачка не было видно в бездонной темно-синей небесной выси, и воздух был настолько раскален, что дышать становилось трудно.

Тем не менее, несмотря на полуденный зной и полное отсутствие тени, густые толпы народа уже давно заняли каменные ступени, амфитеатром возвышавшиеся над площадкой, в правом углу которой стоял древний, сложенный из грубо отесанных камней жертвенник богини плодородия Деметры, а в левом – ближе к центру – возвышалась кафедра для оратора. Передние нижние ступени были заняты только что явившимися чиновниками-пританами, среди которых, на особых скамьях, виднелись и главные сановники государства – девять афинских архонтов.

Глашатай, вступив на середину площадки, громогласно возвестил о начале чрезвычайного народного собрания, созванного для обсуждения экстренных мер, требуемых тяжелым положением Афин. При этом он указал на то, что, по произведенным жрецами гаданиям, день и час созыва этого собрания вполне благоприятны, и нет признаков, по которым можно было бы заключить, что боги отнесутся немилостиво к решению народа. Слова свои глашатай закончил призывом к обычному обряду очищения, которым начиналось всякое народное собрание.

Вслед за тем выступило несколько жрецов с масличными венками на головах. За ними следовали три прислужника, из которых двое несли нож и чашу, а третий держал молодого поросенка. Все присутствующие встали. Старший жрец, подойдя к алтарю богини, принял жертвенное животное из рук прислужника и громко произнес молитву.

– Великая, благодатная, жатвообильная богиня, божественная Деметра! Ты, которая своим золотым снопом ограждаешь честный труд мирного землепашца, ты, которая даруешь ему от обилия плодов земных, ты, которая заставляешь нас в праздник веселой жатвы ликовать и с тысячекратным благословением произносить твое материнское имя, ты, мать богов и тучной земли, дарующей самим небожителям божественную пищу-амброзию, внемли милостиво нашим мольбам и благосклонным оком воззри на здесь собравшихся пред алтарем твоим! Всякая злая мысль да будет тут далека от нас! Радость и мир ниспошли встревоженным горем и заботами душам нашим! Отврати от нас всякое зло, как мы, при помощи этого жертвенного животного, отворачиваем от тебя одного из злейших врагов твоих золотистых злаков! Прими кровь этого поросенка, очищенного в соленой морской влаге от всякой телесной нечисти, и да будет его кровь залогом твоей к нам всем благосклонности!

Окончив воззвание, которое каждый из присутствующих тихо, почти про себя, повторял за жрецом, последний пригласил граждан теснее сплотиться и сам обнес поросенка вокруг толпы. Затем прислужники быстро зарезали животное и выпустили часть крови его в заранее приготовленную большую медную чашу. Пока на алтаре Деметры складывались сухие сучья маслины и пучки соломы для костра, на котором вскоре должна была сгореть часть жертвы, жрецы окропили всех присутствующих кровью животного и затем погрузили в ее остаток пальцы правой руки. Темный дым сизой струйкой взвился к небесам, яркое пламя быстро охватило сучья и солому на алтаре, и часть жертвенного животного запылала на огне.

Обряд очищения Пникса перед народным собранием кончился и можно было приступить к обсуждению неотложных вопросов, собравших сюда эту многотысячную, благоговейно настроенную толпу. Она явилась сегодня на Пникс не только без всякого принуждения, как это обыкновенно бывало, но с большой готовностью и явной надеждой увидеть волновавшие ее думы и сомнения наконец разрешенными.

Снова на середину площадки выступил глашатай и, воздев руки к Акрополю, сотворил краткую молитву о благоденствии государства и счастье всех граждан. Моление свое, обращенное к девственной покровительнице города, мудрой Афине-Палладе, он закончил страшными проклятиями по адресу тех из граждан, которые вздумали бы выступить в собрании с предложениями, явно направленными во вред государства. Глашатай сменил эпистат (старшина) пританов. Взойдя на кафедру, он обратился к собравшимся со следующей речью:

– Афинские мужи и доблестные граждане! Мудрые архонты и выборные должностные лица наши созвали вас сегодня на Пникс для сообщения вам чрезвычайно важного решения. Обсудите его хорошенько и дайте свой веский и мудрый совет. Всем вам ведомо, какие тяжелые времена переживает священный град Афины. Ужасная повальная болезнь обуяла его, и граждане наши ежедневно гибнут от нее целыми сотнями. Нет дома, стены которого не оглашались бы рыданиями по поводу внезапной кончины того или другого, а то и нескольких членов семьи. Матери оплакивают детей, мужья жен, отцы сыновей своих. Грозные знамения предшествовали и сопутствовали этому народному бедствию, являя гнев богов и требуя умиловления грозных небожителей. Мы приносили жертвы, мы удалили из своей среды нечестивцев Алкмеонидов, осквернивших святость города Паллады, мы выбросили за пределы нашего отечества даже кости покоившихся в могилах сородичей этого гнусного отродья, мы старались точным исполнением всех установленных обрядов умиловить безжалостную богиню ночи, сереброкудрую Гекату, но все было тщетно: бедствия, одно тяжелее другого, преследуют нас по-прежнему, и нет уже более сил бороться со страшной напастью. Все мы изнываем от горя и тоски, и будущее рисуется нам в самых мрачных красках. Вдобавок нет и двух дней, как до нас дошла печальная весть о новом постигшем народ афинский несчастье: цветущий, славный, богатый остров Саламин, из-за которого было пролито уже столько крови, вновь отнят намеренными коварными нашими соседями, мегарянами, мстящими за безбожное убийство сторонников благородного Килона. Вместе с Саламином мы лишились – да дадут мне боги силу сказать вам это! – и оплота и гордыни нашей, славной гавани Нисеи. На лазоревых волнах ее бухты отныне уже не будут невозбранно качаться наши быстроходные триремы, которым только с великим трудом и то лишь благодаря заступничеству пенорожденной Афродиты удалось спастись от алчных мегарян.

Глухой ропот пробежал по скамьям, на которых, тесно прижавшись друг к другу, с затаенным вниманием следя за речью взволнованного эпистата, сидели опечаленные афинские граждане. Казалось, напоминание об утрате Нисеи подействовало на них сильнее, чем описание прочих пережитых за последнее время бедствий.

Дав слушателям несколько успокоиться, эпистат продолжал:

– Бороться против решения всесильных парок²⁰ смертным немислимо. Но в нашей власти смягчить гнев небожителей. И вот отцы государства собрались на мудрый совет и, после долгого размышления и обсуждения, решили обратиться к чрезвычайной мере, предложенной им нашим умудренным опытом и доблестным соотечественником Солоном, сыном Эксеkestида. Дело идет о скорейшем приглашении сюда, в Афины, славного мужа, великого мудреца, любимца богов, старца Эпименида из критского города Феста. Слава об этом почтенном старце, имя которого каждому из вас, конечно, хорошо известно, могучей волной разливается по всему эллинскому миру, и отзвуки ее слышатся также на дальнем Понте, в холодной стране счастливых гипербореев, на знойных берегах священного Нила, в степях, широкой равниной раскинувшихся между страной искусных в науках вавилонян и землей всезнающих магов Индии, и, наконец, в пределах далекой, обильной серебром Иберии, у самых крайних столпов Геракла. Если этот славный муж согласится прибыть в Афины и подвергнуть коренному очищению наш город, боги, несомненно, сменят гнев свой на милость, и мы снова сможем вздох-

²⁰ В древнеримской мифологии – три богини человеческой судьбы, то же, что в древнегреческой мифологии мойры.

нуть свободно. От вас же, здесь собравшиеся граждане, зависит одобрить решение архонтов, ареопагитов и старейшин и поднятием рук принять предложенную меру. Как и всегда, вы не поторопитесь своим решением; чтобы потом не раскаяться в своем приговоре, здраво обдумайте его. Но предварительно послушайте гражданина Солона, который просит у нас права обратиться к вам с речью. Он ближе познакомит вас с достойной личностью старца Эпименида, с которым он связан многолетней и тесной дружбой. Глашатай, предложи Солону, сыну Эксекестида, вступить на кафедру и воспользоваться данным ему разрешением.

Бурные рукоплескания огласили воздух, когда на возвышении для ораторов появилась коренастая, всем хорошо знакомая фигура одного из популярнейших граждан. Благородное, правильное лицо мыслителя и друга народа дышало величавым спокойствием, и голос Солона, несколько глухой, сразу окреп, когда в тысяче любовно обращенных на него взоров именитый афинянин увидел, с какой неподдельной радостью, с какой твердой, незыблемой надеждой взирают на него удрученные постигшим их тяжким горем сограждане. Слегка опершись левой рукой о выступ каменного возвышения, Солон сказал:

– Хвала богам, давшим мне возможность сегодня снова обратиться к вам с речью, афинские мужи! По теплomu приему, которым вы удостоили меня, мне ясно, что мера правительства пришлась вам по сердцу. Да иначе и быть не может. Нас постигло из ряда вон выходящее бедствие, и мы должны прибегнуть к необычайному средству. В чем оно заключается, вы уже знаете. Не стану повторять вам поэтому слов эпистата, а поделюсь лишь тем, что я знаю о славном Эпимениде, давнишней дружбой которого я, доподлинно, вправе гордиться. Не сомневаюсь, что вы, узнав, на ком остановился выбор властей, ни на одно мгновение не задумаетесь одобрить этот выбор. О широкой славе Эпименида вы слышали сейчас изящное слово эпистата. Спрашивается лишь, чем и как стяжал ее себе этот необычайный старец? Постараюсь вкратце удовлетворить ваше любопытство.

Уже рождение Эпименида, сына Доссада, указывает на то, что с самого начала этот человек был отмечен богами и предназначен совершать необычайные дела. Мать его, нимфа Балта, родословная которой теряется в глубокой древности и связана со знойными степями плодотворной долины Тигра и Евфрата. Балта – родная сестра, быть может, супруга грозного ассирийского Бала, отца богов, принявшего у вавилонян имя зиждителя Бела, а у хитроумных финикийцев известного под названием могущественного властелина Ваала. Родина Эпименида – город Фест на острове Крит, где столько финикийцев и где вавилонские купцы устроили такое множество огромных торговых складов. От имени Крита он получил, вероятно, также и прозвище курета²¹, что опять-таки устанавливает связь божественного старца с таинственным Востоком. Еще в раннем детстве Эпименид увлекался не играми сверстников, а предпочитал внимать наставительным речам великих мудрецов и жрецов, которым он сам вскоре уподобился в мудрости. Годы шли, и Эпименид, став эфебом (юношей), решил посвятить себя служению богам. Много храмов в разных городах родины, в Египте, на островах и в Азии посетил он, но нигде не находил он истинного, бескорыстного благочестия. Всюду жрецы поражали его тем, что больше думали о лучших для себя частях жертвенных животных, чем о служении богам и молитвах им. И вот, достигши зрелых лет, Эпименид решил удалиться в уединенное место, где он мог бы поселиться в простой пещере и где божественная мысль его, не стесняемая никем и ничем, была бы в состоянии свободно вознестись к величайшим истинам бытия, чтобы лицезреть богов и свободно общаться с небожителями, уже заранее отметившими его печатью своей. Это общение с богами в знойный ли день, когда травы и злаки блекнут от палящих лучей Гелиоса, в тихий ли вечер, когда ночной ветер таинственно шумит в верхушках кипарисов, в темную ли ночь, когда природа мирно спит под покровом мириад блещущих

²¹ Куреты жили, по преданию, во времена Сатурна, на острове Крит. Их было девять, и они считались покровителями разных искусств. По всей вероятности, в их лице мы имеем дело с древнесемитическими божествами.

звезд, общение это было угодно богам, и они решили вознаградить Эпименида за его любовь к ним. Зевс наслал на него однажды ночью мягкокрылого бога Морфея, и тот навеял на Эпименида столь глубокий сон, что прошло целых сорок лет, прежде чем мудрец проснулся. За это долгое время боги раскрыли ему все тайны мироздания. Когда Эпименид проснулся, он был уже преклонным старцем с убеленной сединами головой, но с запасом таких удивительных знаний, равных которым нет и не было ни у одного из смертных. Не будучи посвящен в таинства великой богини земли, Деметры, он знал их в совершенстве; звуки божественного Орфея, когда-то своим чудным пением заставлявшего внимать себе диких зверей, забывавших свою врожденную кровожадность, таинственный культ бога Диониса-Загрея, столь недоступный пониманию обыкновенных людей, – все это стало ведомо Эпимениду. Вместе с тем сын Балты ясно сознал и цель своей жизни. Он стал странствовать из города в город, из земли в землю, с острова на остров, всюду проповедуя, как надо молиться богам, как следует умилоствлять их, как подобает жить людям, чтобы снискать благоволение небожителей. Тайны природы раскрылись Эпимениду, и он почувствовал в себе силу властвовать над стихиями. И много чудес творил он, множество, по-видимому, невероятных исцелений удалось совершить ему, массу случаев умилоствления богов, разгневанных человеческим нечестием, рассказывают о нем во всех концах земли. Науки и высшее знание халдеев и египтян, индусов и дальних эфиопов раскрылись Эпимениду, и нет сейчас на свете человека мудрее его. Он доподлинно достоин быть причисленным к знаменитейшим эллинским мудрецам. Ему надлежит вскоре, если вы ничего не имеете против того, осчастливить нас своим приездом сюда, и он, божественный старец, сумеет найти средство очистить наш многострадальный город от тяготеющего над ним проклятия богов. Я думаю, что среди вас, о граждане, не найдется никого, кто отверг бы предложение властей о скорейшем вызове Эпименида. Я не сомневаюсь в исходе вашего голосования. Я уверен в успешности предлагаемой меры и вашем ей сочувствии.

С этими словами Солон, лицо которого, по мере того как он говорил, воодушевлялось все более и более, сошел с кафедры. В ту же минуту отовсюду раздались возгласы: «Эпименида, Эпименида!», и тысячи рук возделись.

Выбор архонтов, ареопагитов и старейшин был таким образом единогласно принят народным собранием. Не расходясь по домам, афинские граждане тут же уполномочили Солона написать соответственное послание Эпимениду и в скорейшем будущем отправить за старцем корабль на остров Крит.

Юго-западная оконечность Аттики, так называемая Пирейская коса, увенчана двумя холмами, Пирейским и Мунихийским, с которых открывается далекий вид на море. На горизонте, в тумане, еще не успевшем растаять от первых лучей восходящего солнца, смутно виднелись очертания гористого острова Саламина, постепенно прояснявшиеся и принимавшие обычную резкость по мере того, как снопы света заливали окрестность. Туман понемногу расходился, расплываясь в воздухе, который был еще довольно прохладен. Море сверкало и искрилось всеми цветами радуги. С тихим рокотом ударялись его изумрудные волны о прибрежный песок и, обливаясь серебристой пеной, быстро катились обратно в беспредельный темно-голубой простор.

На вершине Мунихийского холма и по южному отлогому склону его, где среди зелени садов белели невысокие домики местных жителей, теперь, несмотря на ранний час, было очень много народа. Все эти люди волновались, суетились и, видимо, ждали чего-то необыкновенного. Многие взобрались на самую кручу холма и, приставив ладони к глазам, пристально смотрели на юго-восток, в ту сторону, где солнце во всей своей южной красе и мощи медленно выплывало из морской пучины, казавшейся в эти минуты расплавленным золотом.

На самом берегу, в гавани Мунихии, у длинных деревянных помостов, далеко вдававшихся в море и служивших пристанями, также толпился народ. Много его было и на несколь-

ких кораблях, мерно покачивавшихся на рейде, и на множестве черных с красными кормами челноков, быстро рассекавших своими острыми носами волны и не только шнырявших по бухте, но и выходивших за пределы ее в открытое море. Всюду царило необычайное оживление, и все новые и новые толпы народа, в праздничных одеждах и с масличными ветвями в руках, спускались с холма, запружая узкую улицу вдоль берега и пристани. Тут были граждане всех сословий. Рядом с надменным евпатридом стоял статный воин, беседовавший с величественным жрецом. Несколько поодаль группа рыбаков расположилась вокруг огромного камня, на котором сидел пришедший издалека и весь запыленный диакрий, оживленно делившийся теперь со своими собеседниками впечатлениями от неблизкой дороги. Немного в стороне стояло несколько архонтов, среди которых выделялась своей гордой осанкой рослая фигура архонта-эпонима. Тут же, на специально принесенных роскошных креслах, сидели три-четыре старых ареопагита, а в некотором отдалении, среди группы пританов, виднелась коренная фигура Солона, сына Эксекестида.

Последний, казалось, был сегодня особенно озабочен. Чаше других отделялся он от кучки собеседников, чтобы взобраться на холм и пристально посмотреть на горизонт. Но эти попытки увидеть желанный корабль, который должен был, по расчету, именно сегодня утром привезти давножданного Эпименида, по-видимому, не увенчивались успехом. Солон в пятый раз безнадежно махнул рукой и уже готовился снова спуститься вниз, в гавань, как вершины окрестных холмов огласились радостным криком.

Приставив ладонь к глазам, Солон увидел на самом горизонте светлое пятнышко, которое на первый взгляд трудно было отличить от белого, пенистого гребня высокой волны. Но вот точка стала расти, расширяться и принимать определенные очертания огромного белого паруса. Вслед за тем открылась и стройная мачта со снастями, и обрисовался весь темный контур корабля. На этот раз Солон не ошибся; сомнения быть не могло: к гавани быстро, на всех парусах, подходило долгожданное судно с желанным гостем.

Через каких-нибудь полчаса, окруженная целой флотилией лодок и челноков, «Паллада» вошла в гавань Мунихии, приветствуемая радостными возгласами столпившегося на берегу народа. Подойдя к ближней пристани, «Паллада» бросила в море несколько крупных камней на длинных канатах и пришвартовалась. Рядом с кормчим, под навесом, на красивом золоченом кресле, покрытом шкурой тигра, сидел дряхлый старец с масличным венком на голове. Желтый цвет изможденного и покрытого глубокими морщинами лица резко контрастировал с белоснежным одеянием и длинной седой бородой его. Руки старика сильно дрожали; это было видно по тем порывистым движениям, которые делал его длинный, загнутый на верхнем конце посох.

При виде Эпименида (то был старец) толпа разразилась новыми, долго не смолкавшими криками радости. Восторгу, казалось, не будет конца, когда Солон, взяв из рук вблизи стоявшего гражданина масличную ветвь, вошел с ней на «Палладу» и, приблизившись к высокому гостю, от лица государства приветствовал его с благополучным прибытием.

Когда Эпименид поднялся с кресла, всех поразил его огромный рост. Казалось, сам бог Хронос спустился с небес и, опершись на плечо своего друга Солона, величавой, медленной походкой сходил с корабля. Затем, ступив на сушу, Эпименид воздел руки к небу и от лица своего и всех прибывших горячо возблагодарил вседержителя-Зевса и властного Посейдона, бога морей, за благополучное окончание плавания. На небольшом жертвеннике, воздвигнутом вблизи мостков и увенчанном гирляндами, взвился сизый дымок, и сейчас же запылало пламя, со всех сторон охватившее труп маленького ягненка, принесенного в жертву богам-небожителям. Когда жертвоприношение окончилось, тут же, на пристани, рослые рабы-лидийцы поставили золоченое кресло Эпименида на заранее приготовленные носилки и поместили на нем высокого гостя. Сопровождаемый архонтами, ареопагитами и пританами, Эпименид двинулся

в путь к Афинам. За его носилками шли жрецы с масличными венками на головах. Шествие замыкал отряд флейтистов, за которыми густой толпой валило простонародье.

Внезапно, когда процессия стала уже подниматься в гору, Эпименид властным движением руки остановил рабов, несших его кресло. Обернувшись назад, старец долго молча глядел на раскинувшийся у его ног городок Мунихию. Слезы выступили на его тусклых, померкших очах, и он слабым голосом, как бы про себя, промолвил:

– Как ослеплены люди относительно будущего! Если бы афиняне знали, сколько горя доставит им впоследствии это место, они, доподлинно, разрушили бы его собственными руками и срыли бы собственноручно стены его теперь мирных построек²².

Затем Эпименид повелел следовать дальше и уже не проронил ни одного слова за всю длинную дорогу вплоть до Афин. Казалось, старик был погружен в забытие. Он закрыл глаза и не видя ничего вокруг, по-видимому, совершенно ушел в себя.

Перед самым входом в городские ворота кортеж принужден был остановиться. Из дверей одного из ближайших домов вышла погребальная процессия. В предшествовании нескольких флейтистов толпа родных и друзей в траурных одеждах, предварительно окропив себя «чистой» водой из огромного чана, поставленного нарочно с этой целью у входа в жилище покойника, вынесла на плечах богато убранное ложе, на котором с непокрытым лицом лежал мертвец. Это был совсем еще молодой человек, глубоко страдальческое, иссиня-бледное лицо которого с глубоко ввалившимся ртом, где между зубов была втиснута медная монета, обол для Харона, свидетельствовало, что покойный не без сильной борьбы и тяжких страданий расставался с милой жизнью, пресекавшейся во цвете лет.

Непосредственно за трупом несколько рабов несло множество пестро раскрашенных глиняных сосудов с пищей для покойника во время его дальнего странствования в преисподнюю. На отдельном блюде старая рабыня со всклокоченными волосами, разодранной одеждой и исцарапанным в кровь лицом держала несколько сладких маковых лепешек, которые сжигались затем вместе с покойником и должны были служить ему, по народному поверью, верным средством умиловить страшного трехглавого Цербера, стерегущего вход в мрачное царство теней. Дикие вопли, неистовые крики и плач раздавались в толпе ближайших родных умершего, теперь вышедшей из дома. Среди прочих женщин, которых здесь было очень много, особое внимание Эпименида приковала к себе молодая прекрасная девушка, как оказалось, невеста умершего. Дико потрясая в воздухе большим кривым ножом, остро отточенное лезвие которого зловеще сверкало на солнце, она в каком-то безумном неистовстве, разрывая на себе одежды и обнажая руки и грудь, наносила себе глубокие раны по всему телу. Ее примеру следовали другие женщины, в исступлении ногтями раздиравшие себе лица. Кровь лилась тут ручьями. Платье же невесты и ее пышные распущенные волосы представляли собой один огромный, безобразный кровавый ком.

При виде этого необычайного шествия, преградившего ему столь внезапно дорогу и заставившего его остановиться и поневоле стать свидетелем страшного, столь вкоренившегося в обычаи афинян погребального обряда, Эпименид не мог воздержаться от восклицания ужаса и омерзения. Он глубоко вздохнул и, обращаясь к Солону, шедшему рядом с его носилками, печально заметил:

– О, Солон, друг моего сердца! Доколе подобные обычаи будут царствовать во граде священной Паллады, вам нечего думать об искуплении. Тут люди обращаются в диких зверей и слепнут от необузданного исступления. Варвары могли бы поучиться у вас кровопролитию. И вы удивляетесь еще, что бессмертные боги отвратили от вас чело свое! Златокудрый Гелиос, с выси небесной взирая на подобные ужасы, поневоле содрогнется и поспешит поскорее прочь

²² Сравните у Плутарха, «Жизнь Солона», гл. 12, которая вообще легла в основу нашего очерка об Эпимениде.

от столь проклятого места. Много городов и стран видел я на своем долгом веку, но нигде в пределах Эллады не встречал подобного зверства. Бедный, ослепленный народ!

Солон на это ничего не ответил, но в том многозначительном и долгом взгляде, которым он обменялся со своим старым другом, ясно сказывалось, что он вполне разделяет мнение Эпименида.

Между тем шествие приближалось к так называемой Средней городской стене и, войдя через несколько минут в ворота, очутилось на узкой, извилистой дороге, ведущей между холмами Пниксом и Музейским прямо к Акрополю. Всюду на улицах толпа, сопровождавшая Эпименида, росла, и везде на перекрестках встречали кортеж афинские граждане, опоздавшие или почему-либо не бывшие в состоянии попасть в Мунихию. Почти полное отсутствие жрецов резко бросалось в глаза. Когда Солон обратил на это обстоятельство внимание Эпименида, последний насмешливо улыбнулся и промолвил:

– Служители богов, делающие из своих молитв источник дохода и безбедного существования, никогда не были в числе моих друзей, равно как и я никогда не искал их дружбы. Мы друг друга не понимаем и никогда не поймем, вернее, слишком хорошо знаем друг друга, чтобы питать приязненные друг к другу чувства. Но меня поражает не отсутствие жрецов, а почти полное отсутствие храмов в городе. Это – плохой знак и наводит на грустные мысли.

– Ты прав, Эпименид; особым благочестием мои сограждане похвастаться не могут: храмов и капищ у нас немного. Но все-таки они есть. Не будет ли тебе угодно подняться на этот холм налево, на холм Музейский? Оттуда открывается хороший вид на весь город, да и Акрополь как на ладони.

Эпименид ответил согласием на предложение Солона, и шествие, по приказанию притана-эпистата, направилось на вершину холма. По дороге туда, однако, кортеж еще раз был остановлен неожиданным инцидентом. В одном из небольших домиков по соседству с Музейским холмом были настежь открыты двери и окна, и оттуда неслись душераздирающие вопли. Когда Эпименид попросил осведомиться о причине этих неистовых криков, оказалось, что один из наиболее богатых евпатридов, которому владелец домика заложил свою незначительную недвижимость, как раз сегодня утром ворвался, во главе толпы вооруженных рабов, к своему неисправному должнику и собирался теперь не только отнять у него домик и прилегавший к нему небольшой виноградник, единственное средство к жизни семьи, но и увести в рабство жену, дочерей и сыновей несчастного должника. Последний на коленях умолял евпатрида обождать еще два месяца, до новой жатвы, и не губить его семью. Тщетно зывал несчастный к состраданию безжалостного кредитора, тщетно домочадцы искали защиты у алтаря богини домашнего очага, Гестии: все было напрасно. Евпатрид насмешливо указывал на каменный столб, водруженный на дворе должника и ясно видный из окон жилища. На этом столбе была надпись, гласившая, что «владелец дома и усадьбы, афинянин Демокл, за долг евпатриду Фимею, сыну Агесиппа, закладывает ему не только свое имущество, но и себя, и членов семьи, с которыми, в случае просрочки залога, Фимей, сын Агесиппа, волен поступить по своему личному усмотрению».

Эпименид, узнав, в чем дело, немедленно оставил носилки и направился в дом. Картина, представшая его взору, заставила его содрогнуться. Рабы Фимея только что заковали несчастного Демокла, почтенного уже старца, в заранее приготовленные кандалы и теперь, невзирая на мольбы и рыдания домочадцев, хотели поступить так же и с другими членами семьи.

Все это так расстроило Эпименида, что он отказался смотреть на панораму города с вершины Музейского холма. Он не захотел посетить и Акрополь, а тут же внеся требуемую Фимеем сумму выкупа за усадьбу и семью Демокла, просил безотлагательно провести себя к дому Солона, где Эпименид решил остановиться и где для него уже заранее было подготовлено удобное помещение.

V. Эпименид

Внутренний двор дома афинского гражданина Солона, сына Эксекестида, был убран по-праздничному: окружавшие его с четырех сторон стройные колонны были сверху донизу обвиты зеленью, равно как и возвышавшийся посреди двора жертвенник, посвященный Зевсу-странноприимцу. На алтаре бога горел огонь, уже много часов тщательно поддерживаемый тремя молодыми рабами, в обязанности которых входило также следить за тем, чтобы не угасали высокие светильники, в большом числе расставленные между колонн и по углам двора. Вымощенный каменными плитами пол последнего был усыпан листьями маслины и лепестками роз. Кроме упомянутых уже трех рабов, следивших за огнем на жертвеннике и за правильным горением светильников, на дворе то и дело появлялись фигуры других невольников и слуг, уходивших на заднюю половину дома, где помещались, кроме отделения для женщин, кухня и кладовые. Вскоре невольники снова возвращались на двор, неся в руках большие глиняные кувшины с водой и вином, медные чаши, серебряные и золотые кубки. Несколько подростков несло целую кучу душистых роз и лилий. Все эти прислужники направлялись со своей ношей в один из боковых покоев, двери которого, обычно закрытые занавесью из дорогой, вышитой разноцветными узорами ткани, были теперь широко открыты и позволяли находившимся на дворе рабам видеть и слышать все там происходившее.

В этом обширном покое, освещенном несколькими высокими бронзовыми светильниками и большой висячей лампой, было теперь довольно шумно: только что окончился званый обед, данный хозяином дома, Солонем, в честь именитого гостя, Эпименида из Феста. Присутствующие в числе семи человек собирались приступить к десерту. Рабы поспешно убрали со стола, вокруг которого были поставлены три обширных скамьи для возлежания, последние яства и подали несколько дорогих блюд с плодами, сыром и пирожным. Тут же красовалась и большая серебряная солонка, содержимое которой, смешанное с благоухающими травами, должно было, по общегреческому обычаю, возбуждать в гостях жажду и заставлять их отведать побольше вина, поданного в разной величины и формы кувшинах. Рядом с амфорами вина стояли сосуды с холодной, как лед, и теплой, как молоко, водой, дабы каждый по вкусу мог разбавить ею вино.

Рабы уже успели подмести пол, вновь посыпать его лепестками и листьями роз, подать пировавшим тазы для омовения рук и обнести всех присутствующих масличными венками. Среднюю скамью занимал сам хозяин, Солон; по правую руку от него, опираясь левым локтем на мягкую подушку, поместился престарелый Эпименид. Слева от него возлежали родственник Солона, Писистрат, сын Гиппократ, почти еще юноша, и его закадычный друг, молодой ученый, Ономакрит. Против них на одной скамье возлежали приятели хозяина, афиняне Конон, Клиний и Гиппоник. Последние, как наиболее близкие Солону, вели себя особенно шумно. Бесперывный смех вызывали остроумные, нередко довольно едкие шутки Клиния, который, по общему требованию присутствующих, и был назначен на сегодняшний вечер распорядителем, или базилевсом попойки. Он, видимо, с особенной охотой взял на себя эту почетную и нетрудную обязанность и неустанно подливал соседям и себе янтарную влагу, дар бога Диониса, не слишком щедро разбавляя ее водой.

Один Эпименид, казалось, не разделял общего веселья, хотя и был причиной и виновником настоящего пиршества. Он, принеся богам установленное возлияние, то есть выплеснув из своего кубка несколько капель вина на пол и произнеся установленную обычаем формулу в честь «доброго божества и богини здоровья», лишь слегка прикоснулся губами к драгоценному сосуду с красной, искрившейся влагой и с видимым утомлением откинулся на подушку. Желтое, как воск, лицо его казалось чрезвычайно утомленным, веки были почти опущены и на лбу лежала глубокая, суровая складка. Тонкие, бескровные губы старца были плотно сжаты, и

он как бы нехотя и лишь в случаях крайней необходимости, когда того требовало приличие, открывал их, отвечая на вопросы односложно и кратко.

– Твой дорогой гость сегодня, видимо, не в духе, – заметил Писистрат, обращаясь к Солону. – Не утомил ли его продолжительный и великолепный обед, делающий честь женской половине твоего дома, Солон, в одинаковой мере, как и тебе?

– Да, и я замечаю, что добрый наш Эпименид что-то не весел. Это искренне огорчает меня, – возразил хозяин.

– Прости, Солон, если я буду вполне откровенен. Но на это дают мне право и возраст мой, и положение мое, и дружба моя к тебе, – отвечал Эпименид.

Солон с тревогой взглянул на говорившего и спросил:

– Уж не болен ли ты, Эпименид?

– Хвала всесильным богам, я не болен телом. Но все горе мое, что я не могу, даже в этом тесном дружеском кругу, отрешиться от душевных своих страданий. И это гнетет меня, гнетет тем сильнее, что я ясно чувствую разлад, вносимый моим тяжелым настроением в это веселое общество.

Старик замолчал и снова бессильно опустил на подушку, с которой, при первых словах Писистрата, он было приподнялся.

Среди присутствующих сразу наступило молчание. Веселье беспечного Клиния как рукой сняло. Конон и Гиппоник перестали улыбаться. По лицу Солона пробежала тень неудовольствия. Но с обычной греческой изысканной вежливостью он тотчас пересилил себя и проговорил мягко:

– Поделись с нами своей печалью, дорогой и глубокоуважаемый всеми нами гость мой. Да будут далеки от нас шутки и смех, раз чело твое омрачается тяжелой думой, и сердце твое гложет тайное горе. Быть может, мы сумеем рассеять твоё тревожное состояние и заставим забыть гнетущую тебя скорбь. Что печалит боговдохновенного Эпименида? Поделись с нами своими глубокими мыслями, и мы благоговейно выслушаем тебя.

Когда и остальные присутствующие примкнули к Солону, Эпименид снова поднялся с подушки. Статная фигура его сразу выпрямилась и как бы выросла на глазах у всех. Глаза старика широко раскрылись и метнули молнию. Властным движением руки он отстранил от себя кубок и с резкой горечью воскликнул:

– Раз вы того хотите, я скажу вам, друзья, чем полно сейчас мое сердце, это сердце, так много переживавшее и перестрадавшее за долгое время своего существования вот в этом слабом и дряхлом теле. Не гневайтесь на меня, если речь моя покажется вам не соответствующей тому празднично-веселому настроению, которое сегодня царит здесь в этом доме. Со вчерашнего утра, со времени въезда в сей славный и прекрасный город, я не могу отрешиться от тех впечатлений, которые я воспринял с первых же минут вступления за врата священного града Паллады-Афины. Как живая стоит передо мной картина, виденная в доме одного должника. Нигде, воистину нигде в прекрасной Элладе, озаряемой лучами Гелиоса и находящейся под покровительством бессмертных олимпийцев, я не видел ничего подобного. Это здесь хуже, чем у диких скифов или грубых ливийцев. Где видано, чтобы гражданин так бессовестно-грубо, так безжалостно-жестоко глумился над своим, по его же вине обедневшим согражданином? Слыхано ли, чтобы разжиревший от чужих трудов евпатрид осмелился посягнуть на жизнь домочадцев своего кормильца-должника, притом у самого алтаря богини, покровительницы города? Душераздирающие крики несчастных жертв бессовестного, нахального негодяя до сих пор раздаются в моих ушах, и сердце обливается кровью при воспоминании о том гнусном спокойствии, с которым презренные фракийские рабы взирали на коленопреклоненного перед ними, закованного в цепи свободного гражданина свободной страны.

Старик закрыл руками лицо, понемногу начинавшее краснеть. Грудь Эпименида тяжело вздымалась, и, когда он, спустя минуту, вновь заговорил, голос его дрожал от едва сдерживаемого гнева.

– А эти безобразные похороны! Этот варварский, даже дикарями оставляемый обычай уродовать себя якобы в знак печали! Где видано, чтобы человек с такой гнусной целью, как эта, налагал на себя руки, уродуя свое от природы прекрасное тело, созданное по подобию тел небожителей! Сколько варварства, сколько первобытной дикости, сколько самого грубого невежества сказывается в этом жестоком обычае, гнусном пережитке седой старины, когда люди мало чем разнились от диких, кровожадных зверей! Вижу я, что, кажется, совершенно напрасно прибыл издалека к берегам Аттики, той Аттики, которую почему-то привык считать чистой, прекрасной, великой страной! Здесь не государство, а вертеп каких-то разбойников и насильников, сборище существ, утративших образ людской. Как я очищу этот город, весь обогранный кровью и пропитанный злодеянием? Чем, какой водой омою почву, замаранную насилием и отягченную греховностью ходящих по ней?

Вот и сейчас: мы здесь, в богато убранном цветами, уютном покое мирно сидим за уставленным роскошными яствами столом, который ломится от избытка драгоценных сосудов с дорогим, изысканным вином. И в это же самое мгновение, быть может, через два-три дома, люди гибнут от голода, снедаемые заботами о мрачной веренице беспросветных грядущих дней! Кто знает, быть может, там происходят сейчас вещи ужаснее той, которой я был вчера случайным свидетелем! И земля не разверзается и не поглощает в своих недрах гнусных и жалких нечестивцев! Да, жалких, именно жалких, потому что они сами не ведают, что творят... Вы ждете от меня очищения города, обогрванного кровью и запятнанного злодеяниями, а сами как будто не в силах понять, что раньше, чем очистить город, вам самим и множеству вам подобных следует очиститься от присущей всем вам порочности. Доколе вы сами не очиститесь, не ждите благополучия, не уповайте на милость богов. Если они гnevаются на вас, то в том виноваты вы сами.

Вы хладнокровно пируете в то время, как на ваших глазах гибнут сотни и тысячи сограждан от насилия своих же сородичей. Вы находите время и средства ублажать свою плоть, вместо того, чтобы, умерщвляя ее, тем самым подать пример своим обезумевшим от невежества соотечественникам. Вам доставляет удовольствие забывать обо всем в мире, кроме своей утробы, и, как дикие звери в знойный полдень набрасываются на случайно находимую в густой, тенистой чаще леса влагу прозрачного ручейка, вы с остервенением кидаетесь на амфоры с вином и с грубыми, плоскими шутками уничтожаете великий, божественный дар всесильного Диониса. Вы уподобляетесь при этом тем титанам, которые тщетно пытались умертвить слабого, беззащитного божественного отрока. Стыдитесь, если в вас есть хоть капля человечности, если ваши души еще не превратились в камни!

Голос Эпименида оборвался, и старик бессильно опустился на скамью. При последних словах его, которые он выкрикнул особенно громко, толпа рабов хлынула с внутреннего двора в покой. Некоторые схватили чаши с водой и подали их совершенно оторопевшему Солону. Первым пришел в себя от неожиданности Писистрат. Быстро выхватив из рук невольника чашу с ледяной влагой, он поднес ее к губам Эпименида. Старец отпил глоток, но прошло еще довольно много времени, пока он совершенно оправился от охватившего его волнения. Затем он обвел долгим, испытующим взглядом всех присутствующих и, слабо улыбнувшись, проговорил уже спокойно:

– Вы не сердитесь на меня, друзья мои, если я, в увлечении, сказал что-либо лишнее. Никого из вас обидеть я не хотел и не хочу, но душа моя скорбит и плачет при мысли о всех творящихся тут беззакониях, о которых мне уже столько успел порассказать наш уважаемый хозяин. Что делать? Как поправить зло? Душа моя жаждет дела, великого, светлого дела, но, находясь сама как бы в оковах, в этом слабом и все-таки столь властно заявляющем о себе

теле, тщетно силится разбить стены своей позорной темницы. Что делать? Много нужно страданий, чтобы души афинских граждан, погрязших в беззакониях, очистились от пропитавшего их насквозь зла. Бедствия, ниспосланные богами на этот богатый город и на эту славную цветущую страну, не что иное, как своевременное и вполне целесообразное испытание ваших душевных сил, вашей стойкости, вашей веры. Не отчаивайтесь в конечном спасении, сделайте все от вас зависящее, чтобы уменьшить, если не прекратить, творимые здесь повсюду беззакония, и ваш пример подействует на умиловление гнева богов благотворнее всяких очистительных церемоний и искупительных жертвоприношений. Облагородьте себя, и вашему примеру последуют все граждане афинские. Постарайтесь понять самих себя, и вы легче поймете других, а равным образом и они поймут вас. Не в одних молитвах дело, а в той душевной чистоте и той вере в конечное торжество справедливости и правды, с которой вы приступаете к алтарю небожителей. Боги – не люди. Такими их сделали лишь жрецы, чтобы приблизить их к пониманию необразованной черни. Перестаньте низводить Олимп и его горнии высоты на низменную землю, и вы поймете, что к богам следует приступать не так, как вы это обычно делаете. Вы в них видите, со слов обманщиков-жрецов, не что иное, как одаренных вечной юностью и бессмертием таких же людей, какими являетесь вы сами. Это грубейшая ошибка, в которую может впасть человек. Она заставила течь уже целые потоки крови и слез, и нет конца тем бедствиям, которые испытает род людской, если он будет переносить землю и все земные отношения на небо и его небожителей...

Старик умолк. Глубокая благоговейная тишина воцарилась среди присутствующих, которых внезапно охватило дотоле неведомое им молитвенное настроение. Молчание было прервано Солоном. Он тихо взял Эпименида за руку и промолвил:

– Поделись с нами, дивный, божественный старец, своими глубокими мыслями о божествах и мироздании. Ты многое знаешь, что недоступно обычным смертным, и мы рады у тебя поучиться. Пусть будет сей день началом новой для нас жизни, на путь которой мы вступим под твоим просвещенным руководством. Поделись, умоляю тебя, своей мудростью с нами, и мы постараемся оказаться достойными твоего к нам доверия.

– Я охотно готов исполнить ваше желание, друзья мои, – отвечал Эпименид, и в глазах его сверкнула радость. – Я это сделаю тем охотнее, что среди нас, здесь собравшихся, есть совсем юные люди, вроде Писистрата и Ономакрита. Им особенно полезно выслушать и узнать истину, потому что они, по самому возрасту своему, восприимчивее к ней, чем вы остальные, мужи уже зрелых лет. То, что я скажу вам, есть истина, сокровенная мудрость, преподанная мне и мне подобным самим божественным Орфеем²³, которого небожители избрали в вещие певцы сокровенного, тайного учения. Орфей – мой учитель, и я один из его так называемых орфеотелестов, последователей, посветивших себя изучению орфической науки и проведению в жизнь ее мудрых, дивных положений. Мы, орфики, как вы все, вероятно, заметили уже по мне, стараемся вести по возможности чистый и воздержанный образ жизни. Мы почти никогда не употребляем в пищу убоины и вовсе не пьем вина, разве только в тех случаях, когда нужно совершить возлияние в честь бессмертных богов, особенно великого и наиболее могущественного среди них, Диониса-Загрея²⁴. Вы удивляетесь, друзья мои, что я так назвал бога Диониса, что я не поставил во главе небожителей Зевса. Но я вам сейчас объясню, почему я так поступил и почему таков взгляд всех орфиков. Для этого мне придется, однако, сперва коснуться обычных и всюду в Элладе распространенных верований, которые, конечно, разделяются и вами.

²³ Орфей – мифический певец-фракиец, живший в глубокой древности и наделенный необычайным музыкальным даром. Когда умерла его любимая жена Эвридика, Орфей спустился в преисподнюю, но ему не удалось увести оттуда Эвридику, что разрешил Аид, очарованный дивным пением Орфея.

²⁴ Загреем назывался бог плодородия и силы Дионис, вероятно, вследствие своего семитического происхождения. Имя Загрей близко семитическому слову «зогар» (свет) и указывает на тождество Диониса с богом солнца. Это же подтверждает и связь его с Фанесом, что означает «святиющийся».

По общепринятому мнению, боги – те же люди, отличающиеся от смертных лишь вечной юностью и бессмертием. Еще старый Гомер обрисовал нам Олимп с его дивными чертогами, жилищами богов, как наилучшее и самое счастливое место на земле. Живущие там боги и богини не знают ни забот, ни горя, и вечно веселы и беспечны, пользуясь цветущим здоровьем и всеми благами, в изобилии расточаемыми щедрой природой. Если они иногда вмешиваются в дела людей, то лишь оттого, что связаны с последними нередко кровными узами: боги вступают в брак со смертными женщинами, богини нередко рожают героев от смертных отцов. Но всему в природе бывает конец: как над жизнью каждого человека тяготеют неумолимые парки, так и олимпийские боги зависят от всевластных мойр, могущих в один прекрасный день положить конец их беспечному и веселому существованию. Безжалостный Рок властно тяготеет над всеми. Что случится с богами и богинями, когда наступит час беспредельной власти мойр, никто не знает. Людской же род погибнет, люди умрут или, как принято выражаться, тени их заполнят мрачное царство Аида, куда не заглядывает луч солнца и где божественный Ахилл, царь царей, тяготится настолько, что, по его собственному признанию, он был бы готов начать вновь земное существование свое хотя бы в положении последнего, жалкого поденщика. В царстве теней все равны, праведные и грешники, и никто не получает воздаяния за свои земные поступки. Справедливо ли это? – позволю я себе спросить вас. Разве мыслимо, чтобы преступник, обогривший руки в крови своих ближних, может быть, родного отца или родной матери, чувствовал себя точно так же, как человек, всю свою жизнь являвший образец праведности? Можно ли сопоставить разбойника с мудрецом, особенно если вспомнить, как часто бывает, что праведный мудрец в своей земной жизни и несчастлив, и терпит нужду и гонения, тогда как явный злодей пользуется всеобщим успехом, почетом и невозбренным счастьем?

Тут кроется явная несправедливость, с которой мысль думающего человека не может и не хочет примириться. Пытливо доискиваясь истины, она поневоле приходит к убеждению, что мы неверно представляем себе как олимпийских богов, так и жизнь наших умерших. Много столетий наиболее выдающиеся мыслители всех народов томились и мучились навязчивыми думами. Их не удовлетворяло объяснение жрецов, знавших меньше последнего простолюдина о вопросах, которые они брались разрешать. Они терзались при мысли о явной несправедливости, тяготеющей над миром, и не успокаивались, когда жрецы им говорили, что за рубежом смерти наступает Лета, забвение. Людям пришлось бы еще долго мучиться сомнениями и неудовлетворенной любознательностью, если бы в пределах Эллады не явился человек, соединивший в себе знания, решительно все знания Востока и Запада, Севера и Юга. Человек этот был Орфей. Он, по преданию, подчинил себе своим дивным пением могучие силы природы: дикие звери, бездушные камни внимали его боговдохновенным песням и смирялись пред ним. И все это Орфей делал лишь после того, как побывал в преисподней, постарался, как мог, разрешить загадку о загробной жизни. Когда его самого уже не стало, от него к его ближайшим последователям и ученикам, орфикам, перешли те боговдохновенные гимны, которые содержат в себе всю сущность орфического учения. Там нашлись и ответы на тревожные вопросы о жизни нашей души за гробом, о том, почему на земле царит такая несправедливость, и о том, что со временем снова наступит тот «золотой век», когда все люди будут равны, и между ними не будет больше ни злобы, ни ненависти, ни насилий, ни обид. День этот должен наступить непременно, только беда, что никто не знает, когда, как скоро это будет.

Старец умолк и в глубоком раздумье снова опустил на скамью. Слушатели, увлеченные его речью, вопросительно глядели на него, с явным нетерпением ожидая продолжения этих объяснений, затронувших в каждом из них ряд сокровенных вопросов. Несколько отдохнув, Эпименид продолжал:

– Я начну издали и сперва сообщу вам, как мы, последователи Орфея, представляем себе сущность мироздания, его возникновение и устройство. Из этого само собой проистечет и наше учение о душе человеческой и ожидающей ее за гробом судьбе. Повторяю еще раз, в этом

учении сосредоточена мудрость мыслителей разных времен и народов, особенно же Востока, потому что Орфей знал все науки всех народов. Итак, слушайте, что сказано в орфических рапсодиях.

С самого начала и вечно существовало три основных божества, в сущности некогда бывших чем-то единым, а затем распавшихся на три части. То были: Хронос, вечное время, Зас или Зевс – верховное божество жизни, и Хтония, мать сыра-земля. Всех их окутывала Ночь с ее беспросветной тьмой, породившей змеиного бога Офионея и целый сонм его приверженцев, титанов. Офионей желал владычества своей матери, Хронос же не терпел вечной тьмы и создал могучее серебряное яйцо, в котором были частицы светлого Заса и Хтонии, матери-земли. Из этого яйца вышел светозарный Фанес, или бог любви, Эрот. В сообществе Фанеса и Заса Хронос победил Офионея и толпу его титанов и стал властвовать над Вселенной, свергнув противников в недра Океана, по волнам которого стало носиться расколовшееся во время выхода из него Фанеса «великое серебряное яйцо мира». Нижняя, более тяжелая часть его образовала землю, материк, верхняя – куполом небесного свода охватила края земли и повисла над ней. Старого Хроноса сменил более молодой и сильный Зас, который затем под именем Зевса стал править Вселенной. Он сочетался браком с богиней земных сил, Персефой, и от этого союза произошел божественный Дионис-Загрей. Но титаны, некогда побежденные Хроносом, не хотели смириться. Всю свою злобу они перенесли на малютку Диониса. Спасаясь от всюду угрожавшей ему опасности, он принимал различные образы, но всегда титаны настигали его и грозили его умертвить. Тогда Дионис обратился в ужасного, свирепого быка, бесстрашно ринувшегося на толпу своих преследователей. Но последние оказались сильнее его, и Дионис был разорван ими на клочки и бешено пожран. В последнюю минуту Зевсу удалось спасти трепещущее, окровавленное сердце своего сына. Он немедленно проглотил его, имея в виду произвести из него «нового Диониса», титанов же Зевс поразил насмерть могучей своей молнией, которая обратила их в пепел. Из этого-то праха возникли впоследствии люди, состоящие поэтому из двух элементов: низменного пепла, или плоти, и Дионисиева, божественного начала, происходящего из крови, которую титаны поглотили, разорвав Диониса-Загрея. Эти два элемента, плоть и душа, вследствие огромной разницы своего происхождения, постоянно борются и доныне в человеке. Душа стремится к небу, к божеству, тело же старается удержать ее в себе и приковать к земле со всеми ее низменными страстями. Но душа всеми силами пытается разорвать эти узы и освободиться из постылой темницы. Как пойманная птица в клетке, бьется она в своем узилище, и много приходится ей выстрадать, пока усилия ее не увенчаются успехом. Таково облеченное в форму общедоступной притчи наше орфическое учение о начале мироздания и о распределении тех божественных и телесных сил, которые проявляются в нем.

– Теперь я понимаю, почему вы, орфики, столь заботитесь о чистом, святом образе жизни, – воскликнул Солон. – Вы стараетесь облегчить освобождение души от тела и слияние ее с Дионисом-Загреем, частицей которого она является. Не правда ли, Эпименид?

– Ты угадал истину, мой друг, – ответил старец. – Но одними усилиями умертвить плоть дело еще не будет сделано. Глубоко веруя в необходимость и неизбежность конечного слияния души человеческой с «новым Дионисом», мы, орфики, находим наш воздержанный образ жизни средством недостаточным для очищения души от той грязи, которая запятнала ее во время ее столь продолжительного пребывания в брэнном теле человека. По нашим верованиям, душе предстоит трудная и очень продолжительная работа, чтобы освободиться от всякой нечисти и стать достойной слиться с Дионисом. Наконец, и количество душ в мире ограничено, как ограничено и сердце и количество крови, вмещавшихся в образе Загрея. Поэтому мы полагаем, вместе с учеными мыслителями, обитающими на далеком Востоке, и жрецами, живущими по плодородным берегам священного Нила, что души умерших странствуют по земле в образах сперва разных животных, а затем и людей. Странствование это – необходимый

искус для души. Тут она постепенно очищается от запятнавшей ее нечисти и понемногу становится все достойнее и достойнее слиться с Дионисом. Вот отчего мы, орфики, воздерживаемся от убоины, вот почему, в наших глазах, всякое мучение, которому подвергает человек беззащитное и бессловесное животное, – величайшее насилие и самая вопиющая несправедливость; вот, наконец, чем объясняется наш всегдашний призыв ко всеобщему очищению, которое мы понимаем не только в смысле телесном, но и, главным образом, душевном. Очиститесь от внутреннего зла, старайтесь по мере сил способствовать нравственному возрождению своих ближних, и тогда вы будете счастливы. Заботьтесь о том, чтобы поменьше несправедливости творилось среди вас, чтобы правда торжествовала всюду на земле, чтобы снова настал «золотой век» былых времен, когда среди людей не было ни злобы, ни зависти, ни вражды. Помните, что все люди равны, и что самый могущественный и сильный среди вас с течением времени может стать не только презренным рабом, но и низшим животным. Помните, что не в богатстве и земном могуществе сила, а в чистоте наших помыслов и незапятнанном образе жизни. Напоследок обращаю ваше внимание еще на одно серьезное обстоятельство: члены нашего братства (мы, орфики, считаемся все братьями друг другу) в подавляющем большинстве случаев набираются не из среды имущих, богатых граждан, а из числа беднейших и обездоленных судьбой, как принято выражаться у вас. Это значит, что такие люди более чутки, более способны чувствовать несправедливость и отличать зло и ложь от добра и правды, чем сытые, обеспеченные лентяи...

Однако масло в лампах догорает, и светильники начинают тускнеть. Пора и нам всем на покой, потому что завтра предстоит трудная задача очищения города от того проклятия, которое, по мнению граждан, произнесли над ним бессмертные боги, и которое как вы теперь, надеюсь, знаете, лежит в них самих, в их нечестии и неверии...

VI. Очищение афин

Наступил долгожданный шестой день месяца Таргелиона (июнь) и с ним начало обычного праздника Таргелий в честь Деметры и Артемиды. В этом году афиняне особенно ревностно готовились к торжеству, потому что заведенное 6-го Таргелиона принесение искупительных жертв богам за содеянные каждым из граждан прегрешения должно было сопровождаться грандиозным общим религиозным очищением города от проклятия богов, тяготевшего над ним после «Килоновой смуты» и связанных с ней беззаконий Алкмеонидов. Искупительные обряды должны были сегодня совершиться маститым Эпименидом, нарочно для того приглашенным в Афины.

День выдался чудесный. Темная синева бездонного неба не омрачалась ни единым облачком. Солнце заливало своим ярким светом город и его окрестности и, видимо, благосклонно относилось к намерениям граждан. Лучи его сегодня не так сильно жгли раскаленную и местами потрескавшуюся от продолжительной засухи почву: зной их умеряло легкое дыхание морского ветерка, приносившего с собой прохладу и влагу.

С раннего утра на улицах, на Пниксе, на площадях и вблизи священных рощиц, окружавших разные храмы, толпился празднично разодетый народ. Дома, недавно столь мрачные и оскверненные смертью, еще на заре были окроплены священной, прозрачной и всеочищающей морской водой; над входом в каждый из них красовались гирлянды зелени. Небольшие сосуды с водой для очищения, которые вчера стояли повсюду у дверей тех жилищ, где недавно были покойники, еще с вечера были убраны, и теперь ничто более не напоминало о смерти. Веселый вид улиц и домов был в полном соответствии с радостным настроением граждан: мудрый старец Эпименид в целом ряде бесед с народом сумел внушить всем твердое убеждение, что бессмертные боги, наконец, снова обратят свое благоволение к провинившемуся городу, что они отвратят от Афин злую чуму, потребовавшую уже стольких жертв, и что они ждут лишь искупительных приношений, чтобы в столице Аттики возродилась прежняя кипучая жизнь вместо все безжалостно косящей смерти. Нужны были глубокая вера, огромный опыт и завораживающее красноречие Эпименида, чтобы вызвать поворот к лучшему в дотоле подавленном, тяжелом настроении афинских граждан. Старец приложил все усилия, чтобы показать последним, что не столько боги, сколько они сами, благодаря постоянным своим внутренним неурядицам, виноваты в бедствии, постигшем город Афины-Паллады. Ему удалось заставить афинян присмотреться к себе, своим привычкам, своим порокам и найти именно в них причину постигшего их тяжелого горя. Вместе с тем Эпименид сумел внушить своим слушателям и твердое упование на лучшее будущее. Вот почему народ афинский был сегодня так весел, вот почему прежнее тупое отчаяние его сменилось новыми жизнерадостными надеждами, вот почему сегодня решительно все, кто не был прикован к ложу болезнью, от мала до велика, высыпали с утра на улицы и площади города, желая лично участвовать в торжественной процессии, устраиваемой архонтом-базилевсом под руководством Эпименида.

Наибольшее количество народа собралось на Акрополе, вблизи все еще закрытого храма Афины-Паллады, и у подножия священного холма. Все с нетерпением ждали появления девяти архонтов и Эпименида. Особенную торжественность ожидаемой процессии должны были придать нарочно призванные сегодня из соседнего городка Элевсина жрецы-евмолпиды, в семье которых из века в век хранились священные предания и сосредоточивалось служение великой богине земли, Деметре. Внезапно толпа, стоявшая на площади между холмом Ареса и северо-западным подножием Акрополя, встрепенулась: вдали, со стороны грота Аполлона и Пана, раздались жалобные звуки множества флейт, тотчас же смененные стройным пением тысячи молодых голосов. Еще мгновение – и из-за выступа скалы показалась голова процессии.

Впереди шла, по три в ряд, толпа празднично разодетых молодых девушек, державших в руках огромные блюда овощей и плодов, первенцев жатвы, приносимой в жертву богине Деметре. За ними несколько маленьких мальчиков несли на тарелках горы так называемых амфифонов, пирожков Артемиды. Далее следовала толпа низших служителей храмов. У многих из них были в руках жертвенные чаши, кривые ножи, священные сосуды и небольшие связки дров для сожжения на алтарях. Вот появились и жертвенные животные: среди целого стада быков и белых овец с вызолоченными рогами и гирляндами зелени на шеях резко выделялась стройная, трепетная лань, которую вел на ремне молодой жрец. Тут же находилось и несколько совершенно черных овец, предназначенных в жертву грозным евменидам и богам преисподней.

Непосредственно за животными шли флейтисты и певцы, а за ними жрецы-евмолпиды с зажженными факелами в руках. Факелы эти, по установленному правилу, представляли собой толстые сучья смолистой сосны и были вдвое больше голов людей, несших их. Густой дым их смешивался с благоуханиями, поднимавшимися из курившихся кадилъниц, которыми размахивали служки-жрецы, окружавшие величавую фигуру Эпименида. Как и все жрецы, участвовавшие в процессии, старец повязал себе голову золотистой шерстяной повязкой, ярко просвечивавшей сквозь зелень венка, покоившегося на его челе. Тихая улыбка играла на губах Эпименида, и видно было, что знаменитый мыслитель вполне доволен сегодняшним днем. Подобно прочим жрецам, и он облекся в длинную белоснежную мантию, всю расшитую золотом и серебром именами ее жертвователей. Лучи солнца искрились в этих узорах. Издали Эпименид и жрецы казались огненными фигурами лучезарных небожителей.

Сразу за Эпименидом важно выступал архонт-базилевс, главный распорядитель священного праздника, а немного отступя шествовали его восемь товарищей, окруженные глашатаями, и человек сорок старцев-ареопагитов. Толпа именитых граждан, в числе которых находились Солон и Писистрат, а также оратор Мирон из Флии, замыкала торжественное шествие, за которым сплошным морем голов двигалось почти все взрослое население Афин и пригородных демов (местечек).

Громкое пение жреческого хора сопровождалось аккомпанементом флейтистов, лишь изредка нарушаемое мычанием жертвенных быков и жалобным блеянием овец.

Но вот голова процессии остановилась: молодые девушки, мальчики, флейтисты и певцы встали по бокам дороги, ведущей на холм Ареопага, храмовые прислужники отделили овец от быков, и, по знаку глашатая, старец Эпименид выступил вперед. В сопровождении одного лишь архонта-базилевса он поднялся на священный холм и, припав на мгновение к земле, затем молитвенно простер руки к востоку. Архонт-базилевс последовал его примеру. В эту минуту пение и звуки флейт у подножия холма внезапно прекратились, через мгновение шумевшая внизу толпа народа умолкла, и воздух огласился речью Эпименида. Твердым, хотя и не очень громким голосом старец приказал привести на холм овец. Когда это было сделано, державшие их на привязи прислужники, по данному Эпименидом знаку, освободили животных, и те немедленно разбегались в разные стороны. Ни одна из овец не осталась на холме Ареса. За каждой из них последовало по жрецу, который должен был тщательно следить, где ляжет животное.

Тем временем Эпименид сказал народу:

– Афинские граждане! Волей всемогущего рока мы вскоре узнаем, где, на каком месте вашего города бессмертные небожители желают видеть новые алтари и храмы. Там, где ляжет черная овца, вы должны немедленно воздвигнуть алтарь подземным богам и на нем принести им жертву всеожжения, для которой целиком послужит жертвенное животное. В тех же местах, где ляжет белая овца, вы также принесете ее в жертву Афине-Палладе, Деметре или Артемиде, но уже не целиком, а, по общепринятому обычаю, сожжете немного мяса животного, часть его отдав жрецам и жрицам, часть же сохранив себе на всенародный жертвенный

пир, который вы устроите сегодня же, перед закатом солнца. Где лягут белые овцы, вы заметьте хорошенько, ибо там вам надлежит воздвигнуть ряд искупительных капищ. Теперь же да хранят вас бессмертные боги и да споспешествуют они вашим благим начинаниям! Мы же вернемся отсюда в город и, обойдя вдоль стен его, поднимемся на священный Акрополь, чтобы совершить дальнейшие, предками и обычаям установленные очистительные обряды.

Вновь заиграли флейты, и снова раздалось громкое пение хора. Эпименид и архонт-базилевс спустились с Ареопага и заняли свои места в торжественной процессии, двинувшейся, в сопровождении все возраставшей народной толпы, на место народных собраний, на Пникс. Прибыв туда и взойдя на кафедру для ораторов, Эпименид еще раз обратился к гражданам с речью. В немногих, но дышавших искренностью и убедительностью словах он разъяснил им то, что однажды в доме Солона уже послужило предметом его беседы. Он вкратце посвятил своих слушателей в сущность орфического учения и на целом ряде удачно сопоставленных примеров пояснил им необходимость нравственного перерождения рядом с внешними, чисто обрядовыми приемами очищения. Он указал афинянам на неизбежность бедствий вроде ныне постигшего их, если они будут упорствовать в прежних своих беззакониях и не примут твердого намерения искоренить из своей среды неправду и насилие. Он показал им всю дикость их погребальных обрядов, где посторонние наемные плакальщицы увечат себя ради ничтожной платы. Говоря о плате, старец упомянул о той роли, которую афиняне приписывают деньгам, о той неразборчивости, с которой имущие стремятся еще более обогатиться за счет бедняков, о той безумной роскоши и жажде наслаждений, которые ведут город и государство к неминуемой гибели.

По мере того как Эпименид говорил, вся сущность его постепенно преображалась. Под конец своей речи он весь затрясся и, казалось, судорожно вздрагивавшее дряхлое тело его переживало теперь те физические страдания, нравственным отзвуком которых была полна его душа.

– Сам бог Аполлон гласит устами божественного старца! – раздалось вдруг восклицание из среды слушателей Эпименида, и в одно мгновение толпа, повинувшись голосу сердца, как один человек воздела руки к небу и закричала:

– Мы исполним твои повеления, старец, мы постараемся стать лучшими сынами отчизны, мы очистимся от наших прегрешений. В том мы клянемся лучезарным Гелиосом и мрачной богиней ночи, суровой Гекатой!

По совершенно побелевшему от сильного волнения лицу Эпименида скользнула радостная улыбка, старец хотел что-то сказать, но в ту же минуту столь долго напрягаемые силы оставили его, он зашатался и, потеряв сознание, упал на руки вовремя подхвативших его Солона и Писистрата...

Светозарное дневное светило уже успело склониться к западу, когда Эпименид, давно оправившийся от припадка, вместе с участниками торжественной процессии поднялся на Акрополь после обхода стен города. По пути жрецы останавливались у всех алтарей, священных рощ и капищ, у всех городских ворот, у некоторых домов, особенно пострадавших во время чумы и стоявших теперь, после смерти всех своих обитателей, пустыми. Всюду и везде в таких местах совершались краткие молитвы и приносились в жертву плоды, овощи, иногда, у храмов особенно чтимых богов и героев, и быки. В роще Артемиды пала от руки жрецов и пугливая лань, это любимое афинянами животное, посвященное божественной девственности-охотнице. Теперь предстояло последнее, главнейшее на сегодняшний день дело, – принесение общей искупительной жертвы богине Афине-Палладе, торжественное общее очищение города, и открытие столь долго стоявшего замкнутым древнего капища богини-покровительницы со старинным деревянным изображением ее.

С громким пением священного гимна поднялась процессия на высоко вздымавшийся над городом холм. Архонт-базилевс шел теперь впереди всех и направился прямо к Эрехфейону²⁵. Когда шествие достигло древнейшего афинского капища, жрецы сотворили краткую молитву трем божествам, в честь которых еще Кекропс²⁶ построил этот храм. Затем Эпименид подошел к находившемуся внутри святилища соленому источнику, по преданию вызванному к жизни ударом могучего трезубца бога морей Посейдона, взял в руки факел и несколько раз погрузил его в воду. Немедленно храмовые прислужники наполнили множество медных сосудов священной соленой водой и роздали их народу, который поспешно наполнил этой, по общему убеждению, целебной влагой заранее припасенные чаши и амфоры. Архонт-базилевс отломил от священной маслины ветку и подал знак всем расступиться. Ветка же маслины была вручена Эпимениду. Старец приказал приступить к жертвоприношению.

Тотчас храмовые прислужники мощными ударами топоров сразили двух лучших быков и содрали шкуры с этих жертвенных животных. Стоявшие наготове помощники их разрезали мясо на части, отделили лучшие куски для жрецов и народа, а остальное возложили на обширный каменный алтарь, где уже заранее были сложены и зажжены дрова, предварительно орошенные водой из соленого источника. Вмиг к начинавшему темнеть небу вознеслось огромное пламя, и черный едкий дым смешался с запахом горевшего мяса. Флейтисты вновь выступили вперед, хор грянул гимн богине Палладе, и многотысячная толпа афинских граждан опустилась на колени, молитвенно простирая руки к небу.

Когда от жертвы оставалась на алтаре лишь слабо тлевшая куча золы и пепла, Эпименид подал знак, и вся процессия, с архонтом-базилевсом во главе, двинулась к той открытой площади на вершине Акрополя, откуда открывался чудный вид не только на город, раскинувшийся у подножия священного холма, но и на ближайшие окрестности и даже на темные воды синевшего вдаль, на западе, Саронического залива. Солнце только что погружалось в воду, и все небо на горизонте алело и искрилось от последних пламенных объятий его.

В эту минуту из задних дверей храма Афины вышло несколько вооруженных; в руках их были факелы, зловещим красным светом озарявшие их медные шлемы, панцири и поножи. Среди воинов, низко потупив головы, выступали в длинных серых хламидах мужчина и женщина. Волосы их были распущены, бледные, изможденные лица замазаны сажей, головы и одежды посыпаны пеплом. Руки несчастных были закручены назад и связаны толстыми веревками. Когда эти люди подошли к Эпимениду, сопровождавшая их стража расступилась, старец же обратился к осужденным (то были преступники, обреченные на смерть за тяжкие злодеяния) со следующими словами:

– Несчастные! Приговором верховного суда вы осуждены на казнь через сожжение, установленную для таких людей, как вы. Но знайте, что на ваше счастье, всесильная богиня судьбы сжалилась над вами и внушила вашим бывшим афинским согражданам чувство милосердия к вам. Желая ознаменовать сегодняшний великий день Таргелия, когда афиняне произнесли торжественную клятву очиститься не только телесно, но и духовно каким-нибудь добрым делом, они постановили, с согласия ареопагитов и архонтов, заменить вам тяжкую смертную казнь пожизненным изгнанием из пределов вашего бывшего отечества. Но и телесное наказание постигнет вас: вы покинете этот город сегодня же ночью, предварительно подвергшись установленному обычаю количеству ударов лозы. Теперь же возблагодарите всесильных небожителей за их милость и граждан сего города за их великое человеколюбие. Воины, отведите осужденных в храм, дабы они пали ниц пред священным изображением Паллады-Афины!

²⁵ Это было древнейшее афинское святилище, посвященное сразу трем божествам: Афине-Палладе, Посейдону и Пандросе. Тут стояло, по преданию, упавшее с неба изображение Афины и находилось священное масляное дерево ее. Эрехфейон, получивший свое название от прозвища бога морей, Посейдона, был основан Кекропсом.

²⁶ Древнейший житель Аттики и основатель города Афин и его Акрополя, первоначально называвшегося Кекропией в его честь. При нем Афина и Посейдон спорили за обладание Аттикой, именовавшейся тогда Актой.

Когда помилованные удалились, Эпименид жестом восстановил прервавшуюся было тишину и сказал:

– Теперь, о граждане и мужи афинские, нам надлежит достойно закончить торжественный и высокочтимый день. Раньше, чем приступить к окончательному очищению и окропить себя священной соленой влагой, припадем ниц и помолимся так: «О Зевс-вседержитель, о мощная любвеобильная, всезаботливая мать Деметра, о целомудренная девственница Артемида, о властный Посейдон, о божественнопрекрасный Аполлон и, наконец, ты, о всемудрая и чистая Паллада-Афина, общая заступница и оплот во всех постигающих нас бедах, переложите гнев на милость и примите наш торжественный обет отныне избегать всего, что хоть мало-мальски сможет огорчить вас. Мы прониклись искренним желанием очиститься от своих беззаконий и отныне будем стремиться жить так, чтобы уже более ничем не навлекать на себя вашего гнева. Вы получите не только все установленные жертвоприношения, не только увидите нас исполняющими все предписанные служением правила, но и узрите в нас людей, достойных носить имя истых эллинов. Отныне, общаясь с вами, мы будем поступать и говорить так, как будто бы мы имели дело с самыми близкими нам людьми; общаясь же с людьми, будем держать себя так, как будто бы мы имели дело с бессмертными богами».

Радостный крик тысячеустой толпы огласил тихий воздух и отдался громким, гулким эхом на соседних холмах. В эту минуту, казалось, вся природа прониклась сознанием торжественности произнесенного только что обета. Эпименид взошел на специально для этого случая устроенный деревянный помост. Слуги подали ему бронзовый треножник, на котором покоилась огромная медная чаша, наполненная священной водой из соленого источника Эрехфейона. По данному архонтом-базилевсом знаку все смолкли и снова склонились к земле. Эпименид же опустил масличную ветвь в сосуд и затем окропил священной влагой город, Акрополь, стоявшие на нем капища, жрецов, архонтов и ареопагитов, а также всю толпу народную, произнося при этом имена олимпийских божеств.

Было уже совершенно темно, когда церемония окончилась. Когда Эпименид сошел с помоста, в разных углах Акрополя были зажжены огромные костры. Пламя подобных же огней вспыхнуло и в разных частях города. Снова раздалось пение хора, снова воздух огласили мелодичные звуки флейт, и снова славу богам провозгласила многотысячная толпа. В эту минуту раскрылись двери святилища Паллады-Афины, и взорам всех присутствовавших предстали долго скрытые от них внутренние части главной афинской святыни. Этот великий момент был знаком полного примирения богини с ее столь тяжко провинившимся народом...

В эту минуту Солон подошел к Эпимениду, умиленному трогательным и величественным зрелищем прощенного народа. Низко преклонившись перед старцем, именитейший гражданин афинский во всеуслышание сказал:

– Великий, всемудрый, божественный гость наш! То, чего не могли сделать мы все вместе, удалось совершить тебе одному по великой милости благосклонных к тебе небожителей. Прими же от всех нас искреннюю глубочайшую признательность. На мою долю выпала не только высокая честь оказать тебе от имени города Афин гостеприимство в моем скромном жилище, но я удостоился также великого счастья объявить тебе в этот многозначительный для нас день о решении народного собрания, которое вчера единогласно постановило просить тебя принять от нас на память скромный денежный дар, в сборе которого приняли участие все граждане нашего отечества. Дар этот – талант серебра, который я тут и позволю себе представить тебе для употребления на какое-нибудь благое, общепольное дело.

По данному Солоном знаку несколько рабов приблизилось с огромным деревянным ящиком, сверху донизу наполненным монетами. Но Эпименид на полдороге остановил служителей.

– Насколько я тронут вниманием афинян, описать не в моей власти. Но вместе с тем я должен решительно отклонить принятие вашего дара. Мне и людям, мне подобным, деньги не нужны. Они нужнее здесь, где столько бедняков и столько нужды. Раздайте эту значительную

сумму тем, кто наиболее в ней нуждается; в таких, я знаю, недостатка в Афинах не будет. Если же вы хотите сделать мне действительно приятный подарок, то позвольте взять с собой на родину вот это воспоминание.

С этими словами Эпименид указал на ветку священной маслины, которую он сорвал с дерева богини Афины-Паллады и которой незадолго перед тем окропил город и всех жителей в знак их полного очищения и примирения с богами.

VII. Священная война. сисахфия²⁷

Над долиной, извилисто змеившейся среди крутых берегов речки Плейстос, стоял густой туман, так сильно все заволакивающий своими непроницаемыми покровами, что на расстоянии десяти шагов нельзя было разглядеть человека. У самой кручи, там, где река, образуя почти прямой угол, сворачивала к югу, был разложен огромный костер, у огня которого, закутавшись в хламы, сидело несколько греческих воинов. Копья и щиты их лежали тут же на совершенно сырой земле, шлемов же воины не сняли, равно как не расстались они и со своими короткими мечами. Один лишь среди них не был украшен ни кольчугой, ни шлемом. По всему облику видно было, что это не воин, а мирный аттический житель. Волнистые с проседью волосы обрамляли красивый, открытый лоб, уже покрытый морщинами. В густой круглой бороде афинянина также весьма заметно проступала седина. Только большие, вдумчивые глаза его порой вспыхивали ярким блеском; заметно было, что обладатель их моложе тех лет, которые ему можно было дать на первый взгляд. Из того, с каким почтением к нему относились воины, сразу было видно, что афинянин занимает среди них обособленное положение. Это и не удивительно, если мы узнаем, что в лице его они имели дело с самым популярным в то время афинским гражданином, Солоном, сыном Эксеkestида. Среди разговаривавших теперь с ним воинов находились также нам уже знакомые друзья его, Конон, Клиний и Гиппоник. Некоторое время царившее у костра молчание было прервано Гиппоником.

– Итак, ты думаешь, Солон, нам придется еще раз спросить пифию²⁸, что следует теперь предпринять, чтобы одолеть нечестивых криссейцев. Своими разбойничьими набегами на наше общее святилище они восстановили против себя всех эллинов. Недовольные тем, что в Криссе сосредоточились огромные богатства от пошлин, которые жители этого безбожного города вносили не только с купцов, но и с мирных паломников, шедших поклониться дельфийскому богу²⁹, криссейцы объявили войну амфикинийскому союзу³⁰.

– Да, и за это были жестоко наказаны, – перебил говорившего Солон. – Всем нам известно, что подвергшись осаде со стороны союзных войск амфикинионов, криссейцы потерпели от бога: осаждавшие по совету Нероса, сына Хриза, отравили реку, и теперь Крисса – сплошное кладбище. Уцелевшие криссейцы бежали в соседнюю Киру, где нашли приют и убежище.

– Согласитесь, друзья, – заявил Конон, – что нам уже надоело осаждать Киру. Город этот сильно укреплен, и с нашими немногочисленными войсками, которыми вдобавок командует малоопытный в военном деле евпатрид Алкмеон, мы просидим здесь, в этой сырой яме, еще бесконечное число месяцев. Толку от этого все-таки будет немного. Нужно еще раз спросить оракула, что предпринять.

– Я сам глубоко убежден в необходимости этого, – сказал Солон. – Но беда в том, что у нас, по обыкновению, царит и на этот счет разногласие.

– В таком случае твое дело, Солон, либо уговорить Алкмеона отправить посольство к дельфийскому богу, либо самому, на свой собственный страх и риск, взяться за это, – заметил дотоле хранивший молчание Клиний.

²⁷ Так называлось освобождение народа от государственной и частной задолженности.

²⁸ Прорицательница дельфийского храма, по бессвязному бормотанию которой жрецы давали ответ лицам, вопрошавшим оракул.

²⁹ Богу Аполлону, святилище которого находилось в Дельфах.

³⁰ Это был союз различных народностей Греции, заключенный для совместной защиты храма дельфийского бога и его сокровищ. Союз был заключен еще в доисторические времена и пользовался в глазах всех эллинов огромным авторитетом. В случае оскорбления кем-либо дельфийского Аполлона, все племена, входившие в состав амфикинийского союза, объявляли обидчику «священную» войну.

– Я и сам того мнения, друзья, – ответил Солон, – и уже вчера вечером предлагал Алкмеону эту меру, но тот и слышать не хочет об этом. Мне почему-то кажется, что он просто скупится на обычные дары оракулу. Впрочем, это еще полбеды: я сам готов из личных средств заплатить, что нужно.

– Да хранят тебя небожители, наш Солон, за ту готовность, с которой ты всегда идешь навстречу нуждам соотечественников. Ты уже не раз доказывал твоим согражданам, что деньги и мирские блага не имеют в твоих глазах никакого значения. Ты – достойный сын своего достойного отца, щедрость которого чуть не лишила тебя средств к жизни, – сказал один из воинов.

Солон тихо усмехнулся и проговорил как бы про себя:

– Не в деньгах счастье, друзья. Оно – в душевном спокойствии и сознании свято исполненного долга. Скоро вы, надеюсь, убедитесь в искренности моих слов. Мы страдаем – и страдаем жестоко – от того, что все наши помыслы в слишком большой мере направлены на любостяжание. Но об этом в другой раз. Сейчас же, правда, следует действовать. Благо, и время удобное для вопрошения оракула. Как раз сегодня наступил седьмой день месяца Бюсиоса, день рождения бога Аполлона, и значит, подоспело и наиболее удобное и обычаем установленное время поклониться ему и спросить его о грядущих судьбах наших.

– Итак, решено! – воскликнули в один голос Гиппоник, Клиний и Конон. – Сегодня же отправляемся в Дельфы и поклонимся всесильному новорожденному. А вот и сам он, в лице лучезарного дневного светила, выражает нам свое божественное сочувствие!

В эту минуту сквозь еще более сгустившийся туман стали прорываться первые робкие лучи восходящего солнца. Еще мгновение – и клубы ночного тумана осветились золотисто-фиолетовыми струями зари, стали понемногу редеть и, разгоняемые свежим утренним ветерком, поднялись настолько высоко над землей, что сразу стали видны задернутые как бы багряной пеленой снежные вершины могучей горы Парнас. Всеми цветами радуги засияли ее две макушки, укутанные вечными снегами. Со все возрастающей ясностью стали выделяться на общем сером фоне горы темные ущелья, а также купы маслин и лавров по склонам окрестных гор, засверкали золотистыми лентами ручьи, вихрем стекавшие с отрогов и сливавшиеся затем у подошвы их в быстрый Плейстос, заалели группы зданий на огромной круче Парнаса, багрянцем подернулись просыпавшиеся священные Дельфы, и разбуженная первыми лучами сразу знойного южного солнца, проснулась осажденная Кирра с ее могучими каменными стенами. Обширная равнина Плейстоса, цветущая в своей весенней красоте, усеянная лавровыми, миртовыми, апельсиновыми и лимонными рощами, под тенью которых раскинулись шатры осаждавшей город армии, сразу оживилась. Всюду из палаток выходили воины и, сняв сверкавшие на солнце шлемы, обращались к востоку, где теперь из-за бурых горных вершин и зеленых холмов гордо выплывало жизнеобильное и животворящее дневное светило.

Солнце стояло уже высоко, когда небольшая группа воинов, сопровождаемая толпой рабов, подгонявших несколько быков и белоснежных коз с вызолоченными рогами, поднялась на северо-восточную оконечность Парнаса, который здесь назывался Гиампеей. Пройденный путь был не из легких: солнце немилосердно жгло, в воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка, который умерил бы сильный зной, тени по дороге также почти не было, и каменистая почва, раскаленная донельзя, немилосердно жгла ноги. Вдобавок путникам приходилось все время подниматься в гору.

Достигнув Гиампеи, они решили сделать короткий привал и передохнуть в тени нескольких смоковниц и лавров, росших у дороги. Вид, открывавшийся отсюда, был поистине величествен. С одной стороны возвышался загнутый к северу длинный, могучий хребет темного Парнаса, главная вершина которого заходила далеко за облака. С другой – изрезанные глубокими ложбинами крутые скалы Файдриады замыкали черным покровом горизонт. Под ногами зияли бездонные бездны, почти отвесные стены которых горели на солнце, как расплавленное

золото. А там дальше внизу, за цепью высоких зеленых холмов, раскинулась цветущая равнина Криссы, по которой пробегал извилистой змейкой прохладный Плейстос, орошая богатейшую в Элладе местность. Мрачные стены Криссы, раскинувшейся у подножия и по склонам горы Кирфис, резким пятном выделялись на лазоревом фоне моря, подступавшего сзади к Кирфису. Вдали между деревьями белели палатки афинского войска, осаждавшего Кирру.

– Итак, друзья мои, – сказал Солон, обращаясь к своим спутникам, – мы почти у цели нашего путешествия. Еще несколько стадий, и дорога, сделав поворот к скалам Файдриады, приведет нас в священные Дельфы. Будем торопиться, так как солнце стоит высоко, а нам предстоит еще немало дел сегодня. У тебя ли, Гиппоник, восковая табличка с записанной просьбой к оракулу?

– Не беспокойся, Солон, она у меня в такой же сохранности, как золото в сокровищницах дельфийского бога. Меня беспокоит другое: удачно ли нами выбраны жертвенные животные, и окажутся ли благоприятными предварительные гадания по их внутренностям? Мы как будто маловато быков захватили.

– Я убежден, – заметил Клиний, – что у жрецов на всякий случай можно будет достать подходящих животных, лишь бы были деньги. Чего только нет в Дельфах! Ведь город живет паломниками. Однако пора, не следует мешкать: смотрите, вот на повозках идет туда же толпа других богомольцев. Нужно их опередить. Сегодня народа у храма будет немало.

И, действительно, как бы в подтверждение слов Клиния, в это мгновение из-за выступа скалы в нижней части дороги показалась огромная толпа пешеходов, за которыми длинной вереницей тянулись тяжело нагруженные разным скарбом деревянные повозки. Лишь в некоторые из них были впряжены мулы, большинство же везли огромные, лениво выступавшие волы. Вдали, за оливковой рощей, слышались хлопанье кожаных бичей и отрывистое мычанье быков, смешанное с блеяньем коз, предназначенных для гаданий или жертвоприношений в храме дельфийского Аполлона.

Солон и его спутники, чтобы избежать смешения с этой толпой, немедленно двинулись в дальнейший путь. Довольно широкая дорога, обрамленная высоким каменным парапетом, красивой лентой вилась вдоль крутых обрывов, под которыми зияли бездны, казавшиеся бездонными. Миновав широкий каменный мост, перекинутый над одним из подобных ущелий, путники очутились около ряда высоких могильных холмов, расположенных при самом входе в священные Дельфы.

Город не был защищен ни стеной, ни валом, ни даже рвом. Естественную охрану его составляли почти неприступные, окружавшие его скалы, глубокие пропасти между ними и, главным образом, святость имени дельфийского бога. Множество домов было рассеяно по склонам окрестных высот, местами же городские здания скучивались, образуя лабиринт узких и темных улиц и переулков, которые, однако, все в конце концов вели к верховьям ручья Плейстоса и началу его – Кастальскому источнику. Неподалеку от него, на склоне Парнаса, среди пышно разросшейся рощи из лавров, высился не особенно большой храм – главное святилище дельфийского Аполлона. Около этого с виду очень древнего и ветхого центра дельфийской жизни, раскинулось множество более или менее прочно построенных каменных зданий. Тут были и жилища жрецов и их прислужников, небольшие сокровищницы разных греческих городов и даже частных лиц, несколько мелких храмов, ряд гостиниц для приезжих. Несколько поодаль, за отдельной каменной оградой, раскинулся базар с множеством лавок, массой разношерстного народа, кричащими продавцами, назойливыми проводниками, лукаво высматривавшими лакомую добычу храмовыми прислужниками и прислужницами. Шум тысячи голосов сливался с ревом быков, мычанием коров и блеянием мелкого рогатого скота, пригнанного сюда паломниками или же предприимчивыми торговцами, нередко работавшими заодно с жрецами-гадателями при храме дельфийского оракула.

Прошло немало времени, прежде чем Солон, уже раньше бывавший в Дельфах и хорошо знакомый с местными порядками, отыскал приятеля-перизгета (храмового проводника), который взялся устроить интересовавшее афинян дело. Он отвел их в лучшую гостиницу, где Солон и его спутники могли освежиться и подкрепиться едой и напитками, пока пригнанные рабами жертвенные животные подвергались осмотру и оценке «священных», то есть жрецов-гадательей. Солон и его товарищи только что успели окончить наскоро поданную трапезу, как перизгет уже вернулся и с радостным лицом заявил, что боги благоприятствуют начинанию афинян.

– Письменный запрос ваш оракулу, – сказал он, – уже вручен главному правителю храма, а так как жертвенные животные ваши оказались вполне пригодными, то есть избранный для гадания вол сразу, не задумываясь, съел предложенное ему сено, посыпанное мукой, а жертвенная коза, когда ее окропили холодной водой, достаточное время дрожала всеми своими членами, то теперь очередь за вами: облачитесь в белые одежды, возложите на себя вот эти лавровые венки и, взяв свечи, отправьтесь со мной к священному ручью для совершения очистительного омовения.

Когда афиняне пришли к Кастальскому источнику, они застали там уже множество народа, ждавшего очереди омыться всеочищающей священной влагой. Приличное вознаграждение, предусмотрительно заранее врученное Солоном перизгету, позволило ему и его товарищам не становиться в общую очередь, но быстро покончить с обрядом обязательного омовения. Теперь надлежало пройти к главному управителю храма и узнать от него, когда можно будет получить ответ оракула на поставленный вопрос. Благодаря щедрости Солон и это дело было улажено быстро. Пифия была готова приступить к прорицанию немедленно, лишь бы были исполнены необходимые предварительные церемонии.

Пока около высокого алтаря, стоявшего на лужайке у самой опушки священной лавровой рощи, жрецы и их прислужники закалывали и сжигали жертвенных животных Солон, афиняне были введены в небольшой храм, тускло освещавшийся через большое отверстие в круглом потолке. На алтаре, в глубине капища, теплился огонек, поддерживаемый несколькими храмовыми прислужницами в длинных темных одеждах. Когда Солон и его спутники вошли в храм, откуда-то, как будто сверху, с потолка, раздались нежные звуки лиры и кто-то громко запел гимн Аполлону. В ту же минуту огонек на алтаре вспыхнул ярким пламенем, и все помещение наполнилось несказанно приятным благоуханием. Афиняне, по данному перизгетом знаку, пали ниц и трижды поклонились на разные стороны: богу Аполлону, богине Артемиде и матери их, всемогущей Латоне. Звуки гимна закончились стройным аккордом, и перизгет вывел наших друзей из храма.

Выйдя из мрачного, почти темного капища, Солон и его спутники остановились на пороге, ослепленные ярким дневным светом. В первую минуту они ничего не могли разглядеть. Но это было только мгновение. Перизгет предложил не терять драгоценного времени и немедленно примкнуть к процессии жрецов, показавшейся у опушки священной рощи. С лавровыми венками на головах, в длинных белых одеждах, с горящими свечами в руках, сопровождаемые хором флейтистов и певцов, жрецы теперь медленно входили в лесок, главная аллея которого в конце замыкалась невысокой каменной оградой. Миновав ее, Солон и его товарищи очутились перед главным святилищем дельфийского бога. То было сравнительно небольшое, но, по-видимому, очень древнее деревянное здание, примыкавшее своей задней стороной к почти отвесной скале. На низком фронтоне этого здания были начертаны какие-то таинственные знаки, не то письмена, не то древний, грубый, почти уничтоженный временем рисунок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.